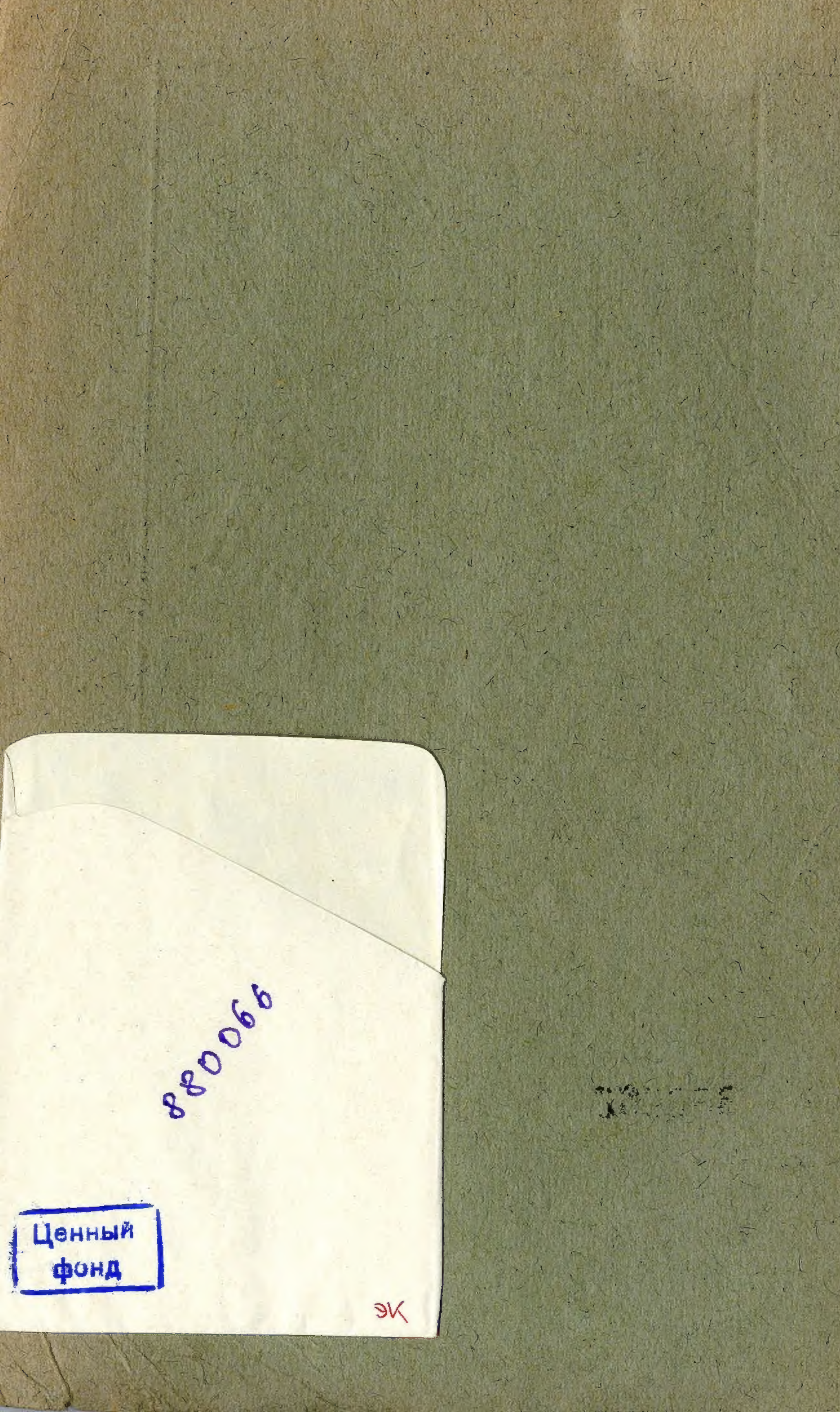

ИЗДАНИЕ ОМСКОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ. ОМСК, 1927 г.

880066
Ценный
фонд
ЭК

ОМСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

ИЗ ПРОШЛОГО СИБИРИ

СОДЕРЖАНИЕ.

ИЗДАНИЕ ОМСКОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ
г. ОМСК, 1927 г.

Набрано и отпечатано
в типо-литографии
ОМГОСПОЛИГРАФ
::: Омск. 1927 г. :::
Зак. № 3248. Тир. 1000.

Ф. Г. ВИНОГРАДОВ.

РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ В СИБИРИ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ПОСВЯЩАЮ ПОДПОЛЬНЫМ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПЕЧАТИ СИБИРИ.

АВТОР.

КАК НАСТОЯЩАЯ РАБОТА Ф. Г. ВИНОГРАДОВА, ТАК И ПЕЧАТНЫЙ НИЖЕ ТРУД С. А. КОЗЛОВОЙ БЫЛИ ДОЛОЖЕНЫ АВТОРАМИ НА СОБРАНИЯХ КУЛЬТ-ИСТОРИЧ. СЕКЦИИ ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ ЗИМОЙ 1927 Г. ОБЕ РАБОТЫ ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА.

Ф. Г. ВИНОГРАДОВ.

РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРИ.

(Исторический очерк).

I. Из глубины седых времен.

„Сибирь — страна колонизующаяся, страна—беспрестанно движущихся человеческих масс, страна Иванов Непомнящих, страна дикого произвола, грабежа и взяточничества воевод и губернаторов".

(*Из письма ссыльного*).

В 1581 г. волжский разбойничий атаман Ермак с своей дружиной занял Сибирь. Несомненно, завоевание Сибири Ермаком шло под руководством и при непосредственном участии торгового капитала: купцы Строгановы пригласили волжских казаков с Ермаком, снабдили их всем необходимым и послали в Сибирь подчинить ее Московскому государству.

Московское царское правительство, стоявшее само во главе русской торговли, было очень обрадовано присоединением такой обширной и к тому же столь богатой пушниной области.

С тех пор Сибирь стала колонией Москозии. Начиная с царя и кончая каким нибудь под'ячим Московского приказа, Сибирь рассматривалась как область, где можно и должно только наживаться, а потому денно и нощно шел грабеж Сибири... Ни один воевода Московского государства и ни бесчисленные затем губернаторы не уходили из Сибири с пустыми руками. От произвола и грабежа, чинимого губернаторами и чиновниками разных рангов, стон стоял по всей Сибири.

Суровый Петр I даже повесил одного из губернаторов Сибири князя Гагарина за грабеж и лихоимство, а в 1736 г. был за такие же художества повешен другой губернатор Жолобов. Ревизия Сперанского в царствование Александра I раскрыла такую вопиющую массу всякого рода злоупотреблений, что правительство встало втупик, не зная как справиться с распущенностью сибирской администрации.

Разумеется, говорить о просвещении и печати в Сибири в те отдаленные грабительские времена не приходится. До половины XVIII века на обширных пространствах Сибири существовало всего несколько школ: в Тобольске—архиерейская для подготовки лиц духовного звания, в Охотске и Якутске „навигацкие" школы, устроенные в результате реформ Петра I; в 1745 году

архиерейская школа была открыта в Томске, в 1789 г. были открыты два первых народных училища в Томске и Тобольске, и только в 1806 г. была открыта первая гимназия в Тобольске.

Таким образом, в течение 200 лет своего существования в качестве колонии России Сибирь не имела ни одной порядочной школы, кроме „архиерейской" и „навигацкой". Безграмотность и невежество процветали в больших городах Сибири, а про глухие углы—нечего и говорить. Безграмотных можно было встретить даже среди сибирской администрации и среди духовенства. Отсюда понятно, как должны были развиваться и просвещение и печать в Сибири.

II. Начало сибирской печати.

„Чтоб открыть родное слово,
Мы трудилися не мало,
Но нашли кресты да плиты
На сибирские журналы".

Первые намеки на зачатки печати в Сибири мы видим в царствование Петра I. Митрополит Сибири Филофей Лещинский возбудил ходатайство о разрешении открыть в Тобольске первую типографию. Эта типография большого значения для Сибири не имела, так как в ней печатали книги и проч. журналы нужные исключительно духовенству.

Другую попытку и более удачную проделал тобольский купец Василий Корнильев, который, имея небольшую бумажную фабрику, добился разрешения устроить вольную типографию в Тобольске. Ссыльный дворянин П. П. Сумароков перевел с английского языка для учащихся книгу под названием „Училище Любви". После архиерейской и губернаторской цензуры эта книга была напечатана Корнильевым в своей типографии в 1789 г., в год Французской революции. Эта книга была первенцем сибирской печати. Была она распространена между читателями при „просвещенном" содействии тобольской администрации, и в 1791 году вышла вторым изданием.

В том же 1789 г. в сентябре в Тобольске появился и первый ежемесячный журнал „Иртыш", переходящий в Ипокрену*).

„Иртыш" печатался в типографии Корнильева. Это был единственный провинциальный журнал не только Сибири, но и всей России.

„Иртыш" выходил небольшими книжками от 3 ½ до 5 ½ лист., в количестве 300 экземпляров. Подписчиков в начале было 196, а затем последовало уменьшение до 106, подписная цена 3 рубля ассигнациями. Несмотря на то, что наместник Тобольска Алябьев принимал самое деятельное участие в распространении этого журнала, „Иртыш" не имел успеха: сибирское население было очень равнодушно к печатному слову.

*) Ипокрена—божественный напиток.

Сотрудниками „Иртыша" состояли учителя тобольского училища, несколько военных, любителей изящной поэзии, даже прокурор тобольского наместничества Бахтин и несколько учеников тобольского училища. Содержание журнала, конечно, подражательное: подражали Ломоносову, Державину и вообще ложноклассикам; писались высокопарные оды и т. п. Правда, прокурор, несмотря на свое официальное положение, несколько нарушал общий торжественный тон журнала своими сатирами на злых помещиков, кои держат своих крестьян в „злом утеснительстве".

Корнильев, кроме „Иртыша", приступил было к изданию „Журнал исторический, выбранный из разных книг". Но издание пошло неудачно, и оно прекратилось. Прекратил свое существование и „Иртыш" в 1791 г. Вместо „Иртыша" под редакцией Сумарокова стал выходить журнал „Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя". Содержание этого журнала было в высшей степени разнообразное. Вот содержание одного из номеров.

а) Отдел естественно-исторический и математический.

1) Способ узнавать простейшим линейным образом градус широты какого либо места на сухом пути.
2) О кровообращении.
3) О кометах.
4) О воде.
5) Нечто об ископаемых веществах.
6) О зиме.
7) О тонкости водяных частей и т. д.

б) Отдел политико-экономический.

1) Нечто о коммерции.

в) Отдел философии.

1) Письмо о симпатии и антипатии.
2) Нечто о душе.
3) О памяти.
4) О переселении душ.

г) Отдел политический.

1) Баланс Европы.

д) Отдел исторический.

1) О системе манихейцев.

Содержание самое пестрое, неоригинальное и неинтересное.

Из книг в типографии Корнильева были напечатаны:

1) Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах, с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах и прочих чинах и кто они именно, и в каких городах были, и кто какой город строил и когда (1581 до 1791).

2) Описание растений Российского государства П. С. Паласса.

3) Словарь юридический или свод Российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы от Уложения, или с 7157 года, собранный надворным советником правительственного сената секретарем Михаилом Чулковым.

4) Краткое наставление, как вспомоществование тем, кои от насильственных или внезапных случаев приходят в такое положение, что уже мертвыми кажутся. Изданное правящим доктором тоб. намест. штаб-лекарем Иваном Петерсеном (190 стр.) отпечатано 30 экземпляров.

5) Того же автора. Краткое описание, составленное из разных известий для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреной или воздушной язвой.

6) Сельская экономия или нужнейшие экономические записки для крестьян, содержащие в себе подробные наставления в производстве хлебопашества, составлены губернским регистратором Шукшиным.

Последняя книга для крестьян предоставляет уже особенность, характерную для Сибири: в России книг специально для крестьян, для „подлого" сословия (так называли крестьян дворяне) не издавали, да никому и в голову не приходило заниматься крестьянами; которые во времена либеральной Екатерины II находились в крепкой рабской зависимости у помещиков в России.

Не знаем, в каком направлении пошло бы дальнейшее развитие сибирской печати, но ее в скором времени постиг общий удел: Екатерина II, напуганная Французской революцией, издала указ 16 сентября 1796 г. о закрытии вольных типографий. В силу этого указа купцу Корнильеву пришлось ликвидировать свое предприятие, а вместе с этим прекратилось печатание книг и журналов в Сибири.

Правда, Корнильев было снова вернулся в 1804—1807 г. к своей деятельности и напечатал очень несуразную и ненаучную книгу английского математика Диттона: „Истина благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа с математической точностью".

Это было последнее благочестивое издание Корнильева. Затем деятельность вольных типографий прекращается. Сибирская печать также замирает до 60 годов XIX столетия.

III. Печать областников.

„Там, в вечной трудовой борьбе,
Безмолвно гибнут поколенья,
И ни поэт, и ни пророк,
Не скажут слова утешенья".

Ядринцев. Песни.

Между тем промышленный капитал творил свое дело в России, и правительству, давно заключившему с русской буржуазией союз, ничего не оставалось делать, после Севастопольской вой-

ны, во второй половине XIX столетия, как приступить, и немедленно, к буржуазным реформам. Началась эпоха „освободительных реформ“, освобождение крестьян за выкуп, введение гласного с присяжными заседателями суда и т. д., и т. д.

Это оживление в России должно было коснуться Сибири и отразиться на ее печати. Действительно, в 1857 г в сибирских городах —Тобольске, Томске, Енисейске и Иркутске появляются „Губернские Ведомости“ с неофициальным отделом, где печатались статьи, отражающие местные нужды.

В 1860 г. появляется в Иркутске частная газета „Амур“ под редакцией М. В. Загоскина. Газета эта поддерживалась генерал-губернатором графом Муравьем-Амурским и имела целью заинтересовать русское население недавно присоединенным к России Амурским краем. Газета выходила в количестве 600 экземпляров и просуществовала до 1862 г. Большого успеха она не имела.

В 1864—68 г. выходит в Иркутске еженедельная газета „Сибирский Вестник“ под редакцией Б. А. Милютина, к „Сибирскому Вестнику“ было дано приложение „Известия из-за Урала“.

В 1873 г. в том же Иркутске появляется газета „Сибирь“ под редакцией П. К. Клиндера. Но все эти губернские ведомости и частные газеты представляли из себя весьма скудные листочки, в которых всего больше было всякого рода административных приказов и об‘явлений, или печатались без разбору всякого рода материалы.

Более или менее настоящая сибирская печать появляется вместе с ростом буржуазии. Во второй половине XIX века в Сибири зарождается своя местная буржуазия и она стремится защищать свои интересы, свою промышленность и торговлю от дикого хозяйничанья и эксплоатации российских чиновников и буржуазии. Выразителями этих настроений и стремлений являются сибирские областники с их вождями—Н. М. Ядринцевым и Г. Н. Потаниным.

Эти областники и явились основателями сибирской печати.

По окончании университета в 1864 г. группа сибирской молодежи, во главе с Ядринцевым и Потаниным, уезжает из Петербурга в Сибирь, здесь она создает, нечто в роде Молодой Германии*), Молодую Сибирь.

Они работают в местных губернских ведомостях, оживляют частные газетки, выступают с публичными лекциями о создании Сибирского университета, они тормошат сибиряков и пытаются пробудить их патриотизм, любовь к своей обижаемой и угнетаемой Сибири.

Любимым поэтическим образом Н. М. Ядринцева да и др. областников был строящийся балаган, т.-е. образующаяся сибирская общественность и культура. Ядринцев представлял себе Сибирь в виде недостроенного балагана. Его мечты и соратников его направлялись к тому, чтобы этот балаган, первое жилье в

*) Молодая Германия—революционное общество в Германии в 1830 — 40 годах.

тайге, превратить в жилой дом, а своим потомкам они уже завещали построить настоящий лиственничный дом:

Бедный непокрытый,
Холодом подбитый,
Вьюгою повитый
Скромный балаган.

Выстроен ты в лесе,
Сложен близко пашни,
Приютил ты первый
Наш крестьянский стан.

Среди вьюги зимней,
Осенью холодной,
Предком ты построен
В этом месте был.

Меж народов диких,
Под грозою, ночью,
Строил тебя старый,
Да и не покрыл.

Долго тебя вьюгой
Даром заметало,
Зверь лесной голодный
Здесь зимою жил.

Подожжен бродягой,
Проклят поселенцем,
Бедный, обгорелый,
Я тебя открыл.

Ты меня согреешь
Ноченькой осенней,
Курево в тебе я
Летом разложу.

Злая меня мошка
Здесь не потревожит,
Я на утро бодрый
Пашню распашу.

Пополам с нуждою,
Средь лесов дремучих,
Воспитаю сына
В балагане том.

Был бы балаган мой
Знаю, что построит
Сын на этом месте
Лиственничный дом.

Он свою заимку
Оградит, обхолит,
И тогда, наверно,
Балаган покроет.

Деятельность этих сибирских патриотов вызвала сейчас же гонение царского правительства. Ядринцев, Потанин и др. были арестованы и им было пред'явлено обвинение в государственной измене, в желании отделить Сибирь от России. Ядринцев и Потанин отправлены были в каторжные работы.

Ядринцев отметил и этот свой жизненный эпизод:

ЖАЛОБА *)

1.

Здесь в деревне Семилужной
Родился писатель скромный,
И живи он тихо, скромно,
Был бы он талант огромный.

2.

Но писатель Семилужный
Угодил под чью-то лапу
И, как следует, был выслан
Из селенья по этапу.

3.

С этих пор в село родное
Ходит тайно на свиданье
И с бродягами у окон
Просит скромно подаянья.

4.

В Семилужной песни, пляски,
В Семилужной плач и вой,
Заседательская встряска,
Кражи, битва и разбой.

5.

А писатель добродушный
Весь избит и хил, и стар,
Все такой же благодушный
Славит прелесть Семилужной.

После отбытия каторги, мы снова их видим в Сибири, работающих в сибирской прессе и отстаивающих ее интересы, которые были сформулированы в следующие требования.

1) Отмена уголовной ссылки.

2) Уничтожение экономической зависимости Сибири от метрополии.

3) Прекращение абсентеизма молодежи или отлива умственных сил из Сибири в Европейскую Россию.

Кроме этих вопросов, областники выдвинули еще два вопроса—переселенческий (упорядочение движения переселенцев из России в Сибирь и забота о переселенцах) и инородческий (защита инородцев). Как видите, здесь не было страшных жупелов: демократической и тем более Советской Республики. Здесь нет ни звука о рабочих интересах и т. п. Да и областники не признавали противоположности интересов рабочих и буржуазии и были даже противниками классовой борьбы, считая ее вредной для прогресса. Самая мирная культурная программа в рамках законности и порядка. И тем не менее царское правительство и, конечно, сибирские самодуры—губернаторы—стремились прекратить деятельность областников. Сами областники и не возлагали никаких надежд на революцию; они думали, что их

*) Эта жалоба вписана в жалобную книгу в дер. Семилужках на 1-й станции у гор. Томска по Московскому тракту.

программа вполне осуществима в рамках царского режима. Тем более, что такой важный вопрос для Сибири, как университет, был разрешен в положительном смысле, и в Томске, действительно, был открыт университет в 1888 году 22-го июля.

Для проведения своих взглядов в жизнь в 1875 г. Ядринцев и Потанин купили в Иркутске у Клиндера газ. „Сибирь“ и пытались сделать ее действительно печатным органом Сибири. Но иркутская администрация была на-чеку и очень мешала делу освещения нужд Сибирского края. Поэтому в 1882 году Ядринцев организует собственный орган „Восточное Обозрение“, который выходит в Петербурге. Этот печатный орган был очень неприятен сибирской администрации.

Почти одновременно в Томске появляется „Сибирская Газета“ при участии ссыльно-политических Клеменса, Волховского и Чудновского. Эта газета выдвигала общие российские вопросы и затрагивала, по мере возможности, политические вопросы. Против „Сибирской Газеты“ и даже против областников стала выступать газета „Сибирский Вестник“, издаваемая в Томске с 1885 г. Эта черносотенная газета занималась весьма усердно доносами на своих противников.

Таким образом, в Сибири появилась довольно таки независимая и самостоятельная пресса. Самой лучшей газетой и, так сказать, образцом для сибирских органов была газета (вернее еженедельный журнальчик) „Восточное Обозрение“, издаваемая Ядринцевым и Потаниным. Но общие условия издания газеты были настолько тяжелы, что „Восточному Обозрению“ сделано было три предупреждения. Последнее предупреждение отдавало газету под предварительную цензуру. Ядринцев решил перенести ее в Иркутск, что и было сделано в 1888 году.

В общем и целом, Ядринцев и Потанин сумели пробудить интерес к Сибири, сумели сформулировать и выдвинуть ряд насущных вопросов, которые нужно было разрешить в самое ближайшее время. Они в своих сочинениях, как,например, „Сибирь, как колония“, „Нужды Сибири“ и др., описанием жизни сибирских инородцев раскрыли язвы Сибири, и этим открыли многим сибирякам глаза на свое положение и толкнули их на борьбу с царским произволом; они сумели создать кадр сибирских журналистов и газетчиков. Поэтому нет ничего удивительного, что в 1900 г. мы почти в каждом сибирском городке находим уже свой печатный орган, так—в это время уже насчитывалось около 55 легальных изданий по всей Сибири. Но это была, конечно, не рабочая печать. В своем большинстве это была либеральная беспочвенная пресса. Она повторяла заветы, оставленные ей Ядринцевым, и мечтала, именно мечтала, о конституции и о свободе печати, не более этого. Образцом сибирской печати того времени можно считать в Томске газету „Сибирская Жизнь“, в Иркутске „Восточное Обозрение“. Несмотря на то, что в этих газетах работала и политическая ссылка, (так, например. Троцкий писал в „Восточном Обозрении“), они оставались органами сибирской либеральной буржуазии. Что касается „Восточного Обозрения“, то

оно окончило свои дни в революцию 1905 года, а „Сибирская Жизнь“ дожила до великих дней Октябрьской революции и оказалась в стане колчаковщины.

То-же самое должно сказать и про всю сибирскую легальную буржуазную печать: она выступила против советской власти и до самого последнего своего издыхания боролась против рабочих и крестьян.

IV. Рабочее движение в Сибири.

„И сила, и мощь капитала
По земле разлилися родной,
К фабрикантам дворянство пристало,
Им служит сам царь головой.
Но стесненный кругом капиталом
Стал умнее рабочий народ...
Вся клика в смятеньи немалом
Скоро песню не ту запоет“.
(Из револ. песни 1890 г.).

Рабочая печать в Сибири, как и в России, могла появиться как подпольная, нелегальная. И подпольная революционная печать в Сибири появляется вместе с ростом рабочего движения в России и в Сибири. Но количественный рост пролетариев в Сибири зависел от развития сибирской промышленности. Последняя же искусственно задерживалась российскими фабрикантами и заводчиками, которые рассматривали Сибирь, как свою колонию, где они должны сбывать свои товары вне конкуренции, и поэтому они ставили всевозможные препятствия к развитию промышленности в Сибири. Так, например, несмотря на то, что Сибирь богата железом, в ней в 1900 г. действовало всего 3 завода с 4 доменными печами, а в России 182 завода с 302 домнами. При чем добывалось железной руды по годам:

	1893	1900	1910	1914
		в тысяч. пуд.		
Всего в России	134,000	373,000	251,000	465,000
В Сибири	899	578	378	300
% сибир. доб.	0,7	0,2	0,1	0,07

Таким образом, добыча жел. руды в Сибири сокращается и относительно и абсолютно.

Несколько иначе шло добывание каменного угля.

	1900	1910	1917
		в тысяч. пудах	
Зап. Сибирь до Байкала	19.035	55.697	156.003
Вост. Сибирь за Байкал.	4139	43.176	31.571
Итого	2.174	98.873	187.574

Добыча каменного угля развивается, но, разумеется, уголь шел не на обрабатывающую промышленность, а на обслуживание сибирской жел.-дорожной линии. И все-таки, несмотря на увеличивающийся рост добычи каменного угля, в общем, сибирская добыча равнялась 3—4 проц. общероссийской.

О других наиболее заметных отраслях промышленности можно отметить следующее:

До войны 1914 года существовало на всю Сибирь, до Владивостока, 5 спичечных фабрик с производительностью 200.000 ящиков в год, 8 стеклянных заводов с 2400 рабочих, с ежемесячной производительностью до 60.000 пудов изделий. Да два—три чугунно-литейных небольших завода. Вот и вся сибирская промышленность!

Правда, можно было наблюдать зачатки промышленности в виде кожевенных, свечных, пимокатных и проч. заводов и мастерских, но и они погибли, не успевши расцвесть, во время революции 1917 г.

Оставалась одна добывающая промышленность—добыча золота, пушнины, рыбные промыслы и торговля.

Даже и эта слабая, зачаточная капиталистическая промышленность зарождается в Сибири с проведением Сибирской железной дороги, постройка которой началась в 1892 году и закончилась в 1899 г.

С постройкой ж. д. появились и жел.-дор. мастерские и депо, как: в Омске, Красноярске, Иркутске, Чите и Харбине. В Сибирь нахлынули рабочие массы, и в больших сибирских городах, таким образом, создались основные и отправные пункты для революционной работы.

В 1890 г. в России уже создается марксистское, социал-демократическое движение среди рабочих. В 1898 году состоялся 1-й с'езд Росс. Соц.-Демокр. Партии. В 1900 г. В. И. Ленин закладывает прочные основы для действительной работы партии, и в 1900 г. выходит газета „Искра". Кроме „Искры" всеми комитетами РСДРП в крупных городах России выпускаются свои прокламации, газетки и даже революционные брошюрки. Одним словом, в России создается подпольная рабочая печать.

Вместе с ссыльными и приезжими из России рабочими революционная нелегальная рабочая печать проникает в Сибирь и находит восторженный прием. Благодаря политике царского правительства, которое стремилось всех недовольных и революционеров выселить в Сибирь, городское рабочее и крестьянское население последней имело полную возможность ознакомиться с идеями революционеров.

В начале в сибирских городах складывались народовольческие кружки, так как прежде в ссылку шли народовольцы и, конечно, учащаяся молодежь в начале находилась исключительно под идейным их руководством.

Но с 90 годов в Сибирь стали направляться в ссылку и социал-демократы интеллигенты (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Троцкий и др.), а вслед за ними и рабочие, высылавшиеся в Сибирь

сплошь да рядом за участие только в забастовках. Начались споры между марксистами и народниками. Стали создаваться социал-демократические кружки и организации, господство народников и эс-эров кончилось даже среди учащейся молодежи. Что касается рабочих, то они в Сибири всегда в большинстве своем шли за социал-демократами.

V. Первая подпольная типография в Сибири.

„Братья, крепнет вьюга злая,
Нам дорогу застилая,
Тьма и мгла кругом;
Но, не ведая печали,
Мы на встречу светлой дали
В бой пойдем".

Первая сибирская рабочая организация зарождается в Томске. Организатором ее был интеллигент Валентин Евгеньевич Воложанин (Валяна), подпавший впоследствии всецело под влияние экономистов рабоче-мысленского направления. *) Созданная им организация в марте 1896 г. чрезвычайно много отдавала внимания, например, собиранию анкетного материала об экономическом положении рабочих по предприятиям, выработанных „Рабочей Мыслью". В отношении политики Валена относился очень отрицательно. Так, например, в первой демонстрации студентов в Томске 1901 г. Валяна отказался принимать участие

В организацию вошли типографские рабочие: Дм. Богданов, Иосиф Барашков, Ник. Дербышев и Ник. Дробышев, в конце 1896 г. вступили металлисты Егор Решетов и Як. Беляев и типографщики—Ан. Дробышев, Н. С. Калмаков, Анна и Сераф. Соболевы и Еф. Федоровская. Комитет этой организации состоял из Воложанина, Барашкова, Н. Дербышева и Калмакова. Были организованы кружки, на которых разбирали Каутского Эрфурта программу и культуру по Липперту. Главной основной работой являлось создание кассы взаимопомощи для типографских рабочих. Был выработан устав кассы и послан на утверждение мин. вн. дел, а до утверждения устава была создана подпольная касса с числом участников в 27 человек.

1 мая 1899 г. организация решила отметить пролетарский праздник устройством собрания на квартире в своем тесном кругу.

В 1900 г. организация настолько окрепла, что решили летом устраивать массовки за городом, в лесках и заявить о своем существовании и о своей программе выпуском прокламации.

Тов. Калмаков вспоминает:

„В сентябре 1900 г. в моей квартире по Лермонтовской ул. д. № 5 состоялось собрание, на котором присутствовали, кроме меня: Воложанин, Дербышев, Барашков и Решетов. Мы обсуждали текст прокламации от имени Сибирского социал-демокра-

*) Газета „Рабочая Мысль", орган петербурских рабочих экономич. направления, издававшаяся в 1897-900 г. г.

тического союза, который был принят после внесения в него некоторых поправок. На мою долю выпало отпечатать эту прокламацию типографским способом. Текст я набрал в типографии Орлова, а отпечатал у себя на квартире при помощи широкой щетки из щетины в количестве 300 экземпляров".

Таким образом, организация, созданная томскими рабочими во главе с Воложаниным, решила принять на себя работу по обслуживанию всей Сибири. Томск в те времена был сибирскими Афинами: там были два высших учебных заведения, и Томск, действительно, являлся сосредоточием интеллигентских сил Сибири.

Для этой цели Сибирский союз деятельно работает по созданию своей подпольной типографии, и ее организация была благополучно доведена до конца. Тов. Калмакову удалось поставить у себя очень простую и легкую технику.

Типография имела около 1½ пуд. шрифта, кегль 10; шрифт был разложен по кожаным мешечкам, для каждой буквы отдельный мешечек, который затягивался шнурком; затем мешечки по 10 штук надевались на общий шнур и опускались в отверстие печи для самоварной трубы. Печатать приходилось исключительно щеткой из щетины, что, конечно, очень замедляло печатание.

Первомайская прокламация в 1901 г. была распространена в Омске, Томске, Красноярске и Иркутске. В прокламации сибирские рабочие призывались к организации 1 мая нов. стиля забастовки и уличной демонстрации для заявления требования восьмичасового рабочего дня и изменения политического строя на основах всеобщего, равного и тайного избирательного права и законодательной работы представителей народа. В заключение рабочие приглашались „смело и дружно идти на борьбу с самодержавием".

Во второй прокламации (без обозначения времени издания) Сибирский союз указывает, что сибирские рабочие весьма мало затронуты пропагандой и почти совершенно не знакомы с задачами современного рабочего движения.

„Если в Сибири,"—говорится далее в прокламации,—„уже издавна ведется борьба рабочих за улучшение своего положения, то эта борьба еще никогда не была организована надлежащим образом, а была стихийна и создана просто невыносимыми жизненными условиями, в которых находились и находятся сибирские рабочие. Правда, за последнее время во многих центрах скопления рабочих стали возникать организации с целью революционной пропаганды, и деятельность некоторых... весьма успешна, но тем не менее все существующие организации Сибири действуют разрозненно, без всякой связи между собою, ограничиваясь узкой рамкой местности, где они возникли. Признавая такое положение вещей не вполне удачным и желая как можно скорее заполнить пробелы и расширить вообще деятельность социалистической пропаганды, одна из сибирских рабочих организаций, в связи с представителями других городов, органи-

зовала Сибирский союз, который считая себя достаточно сформировавшимся, и об'являет о своем открытии".

Далее, союз заявляет, что целью своей деятельности он ставит развитие классового самосознания сибирских рабочих, пропаганду идей борьбы за политическую свободу и за социализм, об'единение в прочную социал-демократическую организацию и слияние сибирского рабочего движения с общерусским. Для достижения указанной цели союз постановил: 1) основать во всех более или менее крупных центрах свои комитеты; 2) организовать правильное и своевременное получение нелегальной литературы; 3) издавать периодический орган „Сибирский Рабочий", а также, по мере надобности, книжки и брошюры; 4) в важных случаях выпускать листки и прокламации агитационного характера; 5) всю указанную выше литературу доставлять в достаточном количестве местным комитетам и 6) по окончательном сформировании в Европейской России социал-демократической партии войти с нею „в возможно тесное соприкосновение".

Осуществить создание своего органа Сибирскому союзу не удалось. В Томске Сибирский союз выпустил только „Социалдемократ. Листок" в июле 1905 г.

„Эта маленькая типография",—вспоминает т. Калмаков*),—„настолько удачно пряталась от глаз жандармов, что они делали несколько раз обыск и не могли на нее наткнуться.

Последней обыск в моей квартире по Никольской улице дом № 11 совпал как раз с выходом из тюрьмы Н. И. Дербышева, которому захотелось повидаться со мной и, чтобы пробраться ко мне без видящего ока охранки, дождался ночи и направился ко мне на квартиру часов в 11 ночи, но каково было его положение, когда он только что войдя во двор увидел, что квартира моя охраняется десятком жандармов. Дербышев понял в чем дело и разыграл из себя пьяного хулигана, за что его жандармы вытолкали со двора, а ему только этого и нужно было.

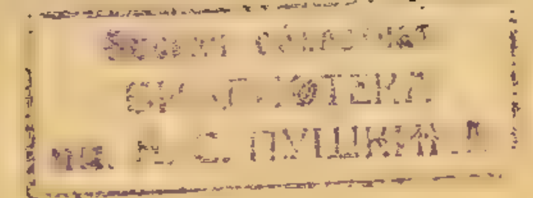
В виду усиленной слежки за мной, технику пришлось передать другому лицу—Семенову, сторожу железнодорожного приемного покоя, который снял квартиру по Тверской ул., в доме № 25 в нижнем этаже (подвале), теперь этот подвал уничтожен.

Переход техники к Семенову был крайне неудобен, так как мне приходилось ходить работать в ней по ночам, что было не совсем безопасно для Семенова, если бы меня, как человека поднадзорного, застали у него при обыске. Техника же была очень хорошо замаскирована в подполье и находилась вне всякой опасности. В ней печатали: сборник революционных песен, первомайскую прокламацию, „Единое на потребу". История последней прокламации такова.

Томский архиерей Макарий любил поучать свою паству своими изречениями, которые выходили небольшими книжечками под общим заголовком „Единое на потребу".

---

*) Калмаков Н. С. Раб. проживает в настоящее время в Сибири.

Ханжи, почитатели Макария, гордились своим наставником и постоянно ссылались на его изречения. Учтя это положение, мы решили выпустить прокламацию под названием „Единое на потребу“ небольшой книжечкой в обложке из бумаги того же цвета и набор сделали тем же шрифтом и с теми же украшениями, как это было у книжек Макария.

Прокламацию выпустили на первый день пасхи, которая и была роздана во время заутрени по церквам.

Прокламация начиналась елейным языком по поводу пасхи, а потом все ярче и ярче развивалась мысль о рае на земле — социализме. Наше „Единое на потребу“ охотно брали молящиеся в церквах. Когда же в конце заутрени дошла весть до Макария о содержании розданных книжек „Единое на потребу“, то он распорядился немедленно отобрать все книжки, но было уже поздно, публика большей частью их не вернула и унесла с собой домой.

Эта типография обслуживает рабочее движение и в 1902 и 1903 г. Она выпускает листки и бюллетени во время забастовки типографских рабочих в Томске, а также листки на 1 мая 1902 и 1903 г. г. Вот один из этих листков, адресованный хозяевам:

„1 мая—великий праздник рабочих всего мира, это праздник для всех тех, чьи мускулистые руки, и кто имеет честное сердце. В этот день сознательные рабочие во всем мире бросают работу и посвящают его гулянию и обсуждению вопроса борьбы со своими врагами, а в России—демонстрациям против вседавящего царизма, самодержавного произвола.

Томские рабочие также будут праздновать 1-ое мая, и, зная, что Вы имеете промышленное заведение, Комитет предлагает вам освободить всех ваших рабочих от работ добровольно в этот день—славный наш праздник.

Да здравствует социализм!
Мы требуем 8-мичасового дня!
Долой самодержавие!
1 мая 1902 г. Томский Комитет.
соц.-дем. союза“.

VI. Комитетские типографии.

„Светает, товарищ,
Работать вставай!
Работы усиленной
Требует край...
Работай руками,
Работай умом.
Работай без устали
Ночью и днем“.

Омулевский.

Не отставали от Томска и другие города Сибири. Такие города как Чита, Иркутск и Красноярск, где были скопления рабочих, в начале тоже имели кружки учащейся молодежи, орга-

низованных и руководимых ссыльными. В этих же городах начинается мало-по-малу революционная работа и среди пролетариев; образуются комитеты Сибирского социал-демократического союза. Комитеты приступают к выпуску своих прокламаций в начале гектографским способом, а затем переходят к печатному подпольному станку.

Следующая за томской типографией появляется подпольная типография в Красноярске. Иркутская судебная палата в своем очерке рев. движ. отмечает, что в ночь на 29 января 1902 г. была распространена по городу Красноярску первая прокламация красноярского комитета сиб. соц.-дем. союза, озаглавленная: „К рабочим красноярских мастерских". Начинается эта прокламация с об'яснения слова „социалист". Затем, очертив в нескольких словах историю рабочего движения в России, прокламация говорит: „пора и нам, красноярским рабочим, понять, что без политической свободы нам не добиться лучшей доли. Организуйтесь же, товарищи! Учитесь сами и учите других, не оставляйте без протеста ни одного злоупотребления администрации. Сообщайте комитету для опубликования все невзгоды и обиды, которые вам наносят, а главное, помните всегда, что вы являетесь одним из членов общерусской и всемирной рабочей семьи".

С этого времени был распространен целый ряд прокламаций, оттиснутых сначала на гектографе, затем при помощи циклостиля и, наконец, типографским способом.

Подпольная типография сразу же стала выпускать листки на злобу дня, освещая местные экономические нужды рабочих.

„Однажды", —вспоминает тов. Рогов, *)—„комитет выпустил прокламацию, в которой был затронут целый ряд вопросов быта и положения рабочих Красноярских железнодорожных мастерских. Начальник мастерских в особом об'явлении, вывешенном для рабочих, пытался доказать, что написанное в прокламации неверно. Комитет проверил все ранее им написанное и на основании полученных данных выпустил новую прокламацию, на которую начальнику мастерских ничего нельзя было возразить".

Типография обслуживала забастовку 1902 г., выпуская аккуратно бюллетени о ходе забастовки и листки-прокламации.

Во время хода забастовки типография была арестована жандармами вместе с работавшими в ней товарищами. Но каковы были удивление и ярость жандармов, когда на другой день после провала вышел очередной бюллетень, отпечатанный в новой комитетской типографии. Рабочие только из бюллетеня узнали о провале типографии.

Забастовка кончается победой рабочих. Прокламация, отпечатанная в типографии, анализирует весь ход забастовки и призывает рабочих вступать в ряды социал-демократической партии.

„Приступим же к делу, товарищи! Будем организовываться через свой комитет, войдем в состав общерусской партии и

*) Рогов, член ВКП(б), проживает в Москве.

вместе с нею присоединимся к борьбе рабочих всего мира за полное освобождение рабочего класса от рабства экономического и политического".

Эта типография проработала с ноября и весь почти 1904 г., когда она была арестована наконец жандармами. Типографией было выпущено много листков, которые часто появлялись на стенах полицейского управления и даже в приемной губернатора.

Следующим комитетом, который поставил у себя типографию, нужно считать Иркутский к-т РС-ДРП. Первую прокламацию, отпечатанную в типографии, комитет выпускает 16 марта 1902 и руководит затем забастовкой рабочих на ст. Иннокентьевской, возникшей 22 апреля 1902 г. Стачка возникла на экономической почве и приняла затем политическую окраску. В прокламации, выпущенной комитетом по поводу стачки, мы читаем следующие красноречивые строки:

„Пусть знает начальство и правительство, что на каждый отказ, на каждую несправедливость мы и теперь и впредь будем отвечать дружными криками:

Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода, да здравствует республика, да здравствует социализм!"

Несмотря на усиленный жандармский надзор и слежку, типография Иркутского комитета работает хорошо. По словам Н. К. Крупской, типография отпечатала в 1903 г. брошюрку В. И. Ленина „Письмо к товарищам".

По свидетельству иркутского прокурора, „Иркутский комитет в своих прокламациях, обращаясь „К рабочим и работницам г. Иркутска" „К иркутским учителям", „К новобранцам", всесторонне излагал программу действий Российской социал-демократической рабочей партии. Лозунгами на этих прокламациях были.

„Долой самодержавие!"

„Долой капиталистов!"

„Да здравствует социализм!"

Всего комитетом выпущено прокламаций с марта 1902 г. по апрель 1903—28 названий.

Переходим к Чите. По свидетельству т. Ярославского, в Чите среди учащихся издавна действовали подпольные кружки, в которых посильное участие принимал и т. Ярославский. В 1898 г. т. Ярославский начинает вести революционную работу среди железнодорожных рабочих и среди них создается социал-демократическая группа, которая вступает в связь с Томском, Красноярском и Иркутском.

17 апреля (ст. стиля) 1902 г. уже от имени Читинского комитета Сибирского социал-демократического союза были распространены в Чите, отпечатанные на гектографе, следующие листки:

1) Майский листок 1902 г.
2) К рабочим Забайкалья.
3) Офицерская памятка и
4) Солдатская памятка.

Своей подпольной типографии (печатного станка) Читинский комитет долго еще не имеет, но, тем не менее, он откликается, по возможности, на все текущие события, выпуская листки гектографским способом.

Позже, сравнительно, выступает Омск. Кружки среди омских железнодорожных рабочих появляются с 1898 г. В 1902 г. складывается омская группа революционной социал-демократии в составе т.т. Гусева, Крамольникова (Пригорный Гр.), Майского и др. *). Они выпускают листки, отпечатанные гектографским способом.

Так появляется рабочая печать и в других сибирских городах.

VII. Вслед за „Искрой".

„И подымется Красное знамя;
Не помогут тюрьма и штыки...
Загорится мятежное пламя,
Побегут перед нами полки!"
Из рев. песни.

В 1902 и, в особенности, в 1903 году революционное рабочее движение в Сибири налицо.

С развитием рабочего движения приходит конец экономическому направлению, как в России, так и в Сибири. Образовавшиеся комитеты и сам Сибирский союз определенно и решительно переходят на сторону „Искры". В этом отношении решающую роль сыграла брошюра В. И. Ленина „Что делать".

Сибирский союз, заявивший о своем переходе на сторону „Искры" в январской декларации 1903 г., подвергся реорганизации: из него ушел Воложанин, и вместо него вошли Богословский, Гутовский (Маевский или Газ) и Доброхотов**) твердо стоявшие на искровской платформе.

За декларацией Союза появился целый ряд листков и брошюр с перепечатками из „Искры" и „Зари", органов революционной социал-демократии.

В Томске появилось две типографии: одна Томского комитета и другая Сибирского союза.

Комитетская типография была небольшого размера и в ней „сидел" т. Калмаков с женой.

Вторая типография принадлежала Сибирскому союзу. Заведывал этой типографией покойный теперь Иннокентий Писарев; работали в ней в качестве печатников М. А. Попов, два брата Семеновых, крестьяне—один от сохи, а другой железно-дорожный рабочий, Анна Соболь и еще один рабочий—наборщик; связь держал Костя Волков.

*) Т. Т. Майский и Пригорный, чл. ВКП(б), проживают в Москве Гусев умер.

**) Маевский расстрелян при Колчаке в Омске в 1918 г., Доброхотов в белой эмиграции.

Союзная типография была оборудована великолепно; она могла печатать весь лист в 4 полосы. Помещалась она в полуподвальном помещении и была замаскирована очень искусно глухой стеной, так что попасть в нее было трудно.

Все таки жандармы проследили. Осенью 1903 г. была арестована комитетская типография, а в марте 1904 г. была захвачена и союзная. Провалилась она благодаря неосторожности жены т. Калмакова. Последняя, сидя в тюрьме, доверилась уголовной арестантке и стала передавать на волю письма. Все эти письма, понятно, шли через руки жандармов. Таким образом жандармам удалось осветить всю Томскую организацию изнутри. Получился грандиозный провал: было арестовано 54 товарища и вместе с ними союзная типография.

VIII. Рабочая печать во время русско-японской войны.

«Война идет—и вот кругом
Встают жестокие картины:
Истреблены дома огнем,
В крови и горы, и долины.
Внимая голосу войны,
Идут бессмысленные люди,
И под удар обращены
Их жизнью дышащие груди».

В середине 1903 г. в Иркутске состоялась 1-я конференция сибирских комитетов РСДР партии, на которой произошло об'единение всех действовавших в Сибири комитетов и был создан Сибирский союзный комитет, который взял на себя руководство всей революционной работой в Сибири.

Во время русско-японской войны Сибирский союзный комитет развел огромнейшую агитацию и пропаганду, направленную против царского самодержавия и войны.

В 1904 г. в Сибири действуют подпольные типографии в Чите, Иркутске, Красноярске и Томске. В Томск, вскоре после провала типографии с т. т. Писаревым, Поповым М. и др., прибыл из Иркутска А. Н. Гутовский (Маевский) и снова восстановил организацию. Снова в Томске появились две подпольных типографии—одна Сибирского союза (большая) и другая Томского комитета (малая).

Деятельность всех этих типографий, несмотря на ручной, весьма примитивный способ работы, была весьма продуктивная. В одних только томских типографиях было отпечатано в 1904 г. не менее полумиллиона, если не больше, листков.

Содержание прокламаций, выпускаемых комитетами и Сибирским союзом, составляли—злобу дня—война и царское самодержавие; печатались также прокламации и против либеральной буржуазии и против партии социалистов-революционеров, и даже против отдельных сибирских администраторов-самодуров.

Но главным образом содержание прокламаций сводилось к раз'яснению рабочим массам необходимости вооруженного вос-

стания для низвержение царского самодержавия, необходимости замены царского строя демократической республикой, которая должна быть завершена социализмом.

При этом рабочему классу указывалось на необходимость создания своей классовой партии и показывалось на примерах, что буржуазия является также врагом рабочего класса и что она может с нами идти только на борьбу с царским строем, но свалив силами рабочих самодержавие, царский строй, эта буржуазия пойдет против рабочего класса; указывалось также и на то, что эта буржуазия всегда способна изменить делу революции и поэтому надо к ней относится очень и очень критически.

Доставалось в рабочей печати эс-эрам. Их обличали в мелко-буржуазной сущности, в стремлении затушевывать классовые противоречия и склонности идти на соглашение с буржуазией.

Лозунгами социал-демократов тогда были: „Долой царское самодержавие", „Долой войну", „Через вооруженное восстание и стачку—к демократической республике, через республику—к социализму".

Социалистический, точнее, коммунистический характер русского рабочего движения подчеркивался во всех прокламациях социал-демократов.

Из листков того времени, произведших особо сильное впечатление, должно упомянуть один очень красивый и сильный листок, написанный А. Н. Гутовским (Маевским), который начинался и заканчивался своего рода припевом, взятым из надписи на железнодорожных вагонах: „Сорок человек, восемь лошадей".

Из прежних его листков особенно изящным был листок по поводу отчета Витте о состоянии Сибирской железной дороги, представленного им царю в результате поездки в Сибирь. За каждым пунктом отчета о числе цехов, паровозов, вагонов шло „примечание" о числе членов с.-д. организации, изданных листков, устроенных собраний и т. д. Листок назывался „К отчету его сиятельства его величеству".

Вообще нужно отметить, что Маевский отличался уменьем писать красивые и убедительные прокламации. Им же, например, была написана прокламация против томского полицеймейстера Аршаулова. Этот городничий отличался и мордобитием и взяточничеством, и казнокрадством. Томский комитет РСДРП постарался собрать все факты и строго их обосновать. Маевский же обработал их и появился, таким образом, уличающий и бичующий документ против Аршаулова. Прокламация имела огромный успех среди томских обывателей, ее читали нарасхват. В результате: Аршаулова хватил паралич, и он умер, не дожидаясь того момента, как бы взглянула на это дело высшая администрация.

Великолепно писал прокламации и другой деятель революционного движения в Сибири Ник. Ник. Баранский (Большой) *). Его листки отличались строго выдержанным революционно-марксистским содержанием, логикой, а посему такой убедительностью и ясностью мысли, что по прочтении его лист-

*) Баранский, чл. ВКП(б), проживает в Москве.

ка невольно вставал вопрос: „Почему же это я сам раньше не додумался? Ведь, это так просто и понятно". Его прокламации имели неизменный успех и среди рабочих, и среди интеллигенции.

По поводу войны Н. Н. Баранский написал довольно большую прокламацию „Ко всем", изданную от имени Сибирского союзного комитета. В этой прокламации вскрываются внутренние пружины, приведшие к русско-японской войне; дается резкая критика не только царизму, но и русской либеральной буржуазии, и затем намечается тактика российского пролетариата для прекращения этой войны и уничтожения царского самодержавия. Прокламация заканчивалась

„Долой войну! Долой царское самодержавие!

Да здравствует Всероссийская Народная Республика!

Да здравствует Российская Соц.-Демокр. Раб. партия!

Да здравствует мир!"

Хорошо писали листки т. т. В. Н. Охоцимский, Н. Н. Суслов (Николай маленький), Гр. Пригорный (Крамольников), К. А. Попов и др.

Чтобы написать листовку (прокламацию) требовались известное умение, и способность: нужно было в небольшой листовке дать яркое и убедительное революционно-марксистское освещение того или иного события, зажечь сердца ненавистью и призвать рабочие массы к сознательному и активному действию.

IX. Революционный захват типографий.

„Разорваны звенья тяжелого сна.
Шумит предрассветный прибой
Вздымается жизни могучей волна.
И близок уж день золотой".

Выступление рабочих 9 января 1905 года в Ленинграде пробудило и Россию, и Сибирь. Повсюду пролетариат выступает с протестом против царского самодержавия и его произвола. В России началась революция. Рабочие Сибири присоединяются к начавшейся революции. Они участвуют в демонстрациях, стачках, вооруженных выступлениях и т. д.

Эти выступления в отдельных городах, как в Харбине, Чите и Красноярске приводят к захвату власти рабочими и солдатами, и к созданию советов рабочих и солдатских депутатов, последствием чего явился захват типографий в свои руки и легализация рабочей печати. Во Владивостоке, Н.-Уссурийске, Хабаровске, Благовещенске имеются группы и комитеты Р.С.Д.Р.П., издается нелегальная литература гектографским способом.

В Харбине комитет Р.С.Д.Р.П. и стачечный комитет имели в своем распоряжении три типографии: две легальных и свою подпольную. Своими прокламациями наводнили железно-дорожный путь и окрестности, так как они выпускали 50-60 тысяч экземпляров каждой прокламации.

Из официального железно-дорожного жур. „Харбинский Вестник" был создан орган стачечного комитета и была избрана стачечным комитетом редакционная комиссия в составе трех лиц. Орган назывался „Бюллетени стачечного комитета служащих Китайской Восточной железной дороги". Выпущено было три номера, при чем первый номер имел надпись „Российская социал-демократическая рабочая партия и подпись „Харбинский комитет российской социал-демократической рабочей партии".

В первом номере было напечатано „Постановление, принятое собранием офицеров, военных врачей и военных чиновников читинского гарнизона 25 ноября", из которого видно, что это собрание, в числе 28 офицеров, 31 врача и 6 чиновников, признает всю деятельность царского правительства направленной во вред народу и поэтому считает все исходящие от него приказы и распоряжения не подлежащими исполнению и требует немедленного созыва учредительного собрания.

Во втором номере отпечатана телеграмма стачечного комитета западной линии о том, что собрано в боевой стачечный фонд свыше 4000 р. и при этом предлагалось Харбинскому комитету приступить немедленно к образованию такого же боевого фонда, привлекая к пожертвованию частных лиц.

В третьем номере помещено «Письмо офицера в Харбинский комитет социал-демократической партии», в котором автор указывал на необходимость «уничтожения старого правительства (добровольно оно не уйдет) и образования временного революционного правительства из наиболее смелых элементов передовых партий".

Кроме того, в железно-дор. типографии были отпечатаны от имени Харбинского комитета рос. соц.-дем. раб. партии следующие прокламации.

1) От матроса к солдату.
2) Что такое черная сотня?.
3) Отчего бастуют рабочие и др.

Стачечный комитет издавал и свои прокламации.

В Чите в ноябре 1905 г. железнодорожные рабочие и солдаты, руководимые Читинским комитетом Р. С. Д. Р. П., во главе которого стояли Н. Н. Баранский (Николай Большой), Н. Н. Суслов (Николай Малый), Костюшко-Валюжанич, М. К. Ветошкин и др., захватили власть в свои руки. Была также захвачена губернская типография и стал выходить орган к-та „Забайкальский Рабочий", конечно, совершенно открыто. Это был действительно подлинный революционный марксистский орган, отстаивавший точку зрения В. И. Ленина.

„Забайкальский Рабочий" продолжал выходить уже нелегально, когда в Чите свирепствовал каратель-генерал Реннен-

кампф, что страшно сердило этого палача. Он решил во чтобы то ни стало открыть типографию крамольников. И вот начались повальные обыски читинских граждан. Солдаты ходили по порядку из двора во двор и перетряхивали пожитки читинских обывателей. Атмосфера создалась самая напряженная для товарищей, сидевших в типографии, в особенности, когда обыск шел за 2—3 квартала от типографии. Мужчины, их было трое, не выдержали, ушли, а девушка, тов. Зина осталась мужественно ждать обыска. Но, к счастью, солдаты до типографии не дошли. Очевидно, Ренненкампфу или надоело встряхивать пожитки обывателей, или он решил, что типография не в Чите, а в другом каком нибудь месте, обыски прекратились, техника уцелела и „Забайкальский Рабочий" продолжал выходить пока его главный вдохновитель Н. Н. Баранский не был арестован.

Чтобы искоренить крамолу в Читинских мастерских, начальство отобрало всю головку до 150 человек и назначило ее к высылке по этапу в Европейскую Россию. Это была вся главная опора Читинского комитета. Н. Н. Баранский написал для них очень прочувствованную, действительно трогательную прокламацию „На память", отпечатал ее по числу от'езжающих на особой красной бумаге... У двоих из них автор видел эту прокламацию через 10 лет.

В Иркутске была поставлена очень хорошая подпольная типография. В марте, апреле и мае 1905 г. комитетом распространялись воззвания, кроме Иркутска, в Нижнеудинске, Иннокентьевке, Слюдянке и др. соседних станциях. Прокламации были адресованы к рабочим, солдатам, телеграфистам и пр. гражданам. Во всех прокламациях содержится призыв к всеобщей забастовке „с целью принудить правительство",—пишет в своем отчете иркутский прокурор,—„прекратить войну и добиться созыва учредительного собрания."

Из прокламаций 1905 г., выпущенных иркутским комитетом, необходимо отметить—1) „Ко всем" и 2) „Ко всем рабочим и работницам". В последней прокламации был подвергнут резкой критике манифест 17 октября и закон о государственной думе и затем в ней сообщалось, что под влиянием агитации социал-демократов железнодорожные рабочие бастуют в Боготоле, Красноярске, Чите и на ст. Хилок.

„Повсюду рабочие стремятся к всеобщей стачке для достижения улучшения рабочей доли, полной политической свободы, созыва всенародного учредительного собрания и мира с Японией". В заключение городские рабочие призывались к всеобщей забастовке и к подготовке для народного восстания.

Были листки под заглавием: „Мир заключен", „Подымайтесь, солдаты!" и др.

В г. Красноярске с 1905 г. начинается медленное, но неуклонное наростание революционного под'ема. В 1904 г. в Красноярске были большие провалы с арестом техники. Но уже в январе 1905 г. типография снова работает и выпускает после

9 января хорошую прокламацию „В России революция“, написанную Гр. Пригорным.

Красноярские рабочие поддерживают питерских рабочих забастовкой 17 января. Правда, забастовку нельзя было назвать удачной: масса рабочих еще не была готова к всеобщей стачке. По поводу этой забастовки Н. Н. Баранским была написана и отпечатана в красноярской комитетской типографии прекрасная прокламация под заголовком „Стачка кончилась, да здравствует стачка!“ Кроме того, Н. Н. Баранский в Красноярске выпускает листок против партии эс-эров.

Затем происходит смена работников. Типография на время закрывается, но уже в феврале 1905 г. типография вновь начинает свою подпольную работу и выпускает прокламацию под заглавием „К Красноярским рабочим“, написанную профессионалом Афанасием Поповым.

В этой прокламации Красноярский комитет Р. С. Д. Р. П. описывает забастовку рабочих, прокатившуюся по всем городам России и Сибири, заигрывание царского правительства с рабочими, и какой ответ должны дать рабочие на это заигрывание царя. Ответ должен быть один: „Вы борцы против всего современного строя, ваша цель—социализм, ваш путь—через республику, ваш первый шаг—захват власти в городе“.

ГОТОВЬТЕСЬ К СТАЧКЕ!

Стачка положит конец бессмысленной войне.

Готовьтесь к восстанию!

Восстание передаст власть из рук кучки злодеев в руки народа“.

Попутно в прокламации наносится удар и партии эс-эров, так как соглашательский буржуазный характер эс-эров чувствовался и познавался уже и в те времена.

Прокламация оказалась пророческой: действительно, в конце 1905 года в г. Красноярске происходит захват власти рабочими и солдатами, и они создают совет рабочих и солдатских депутатов. Вождями этого движения со стороны Красноярского комитета были выдвинуты: Урицкий, М. Шумяцкий, А. А. Мельников (Гомер), Иннокентий Воронцов и Костя Кузнецов (читинский рабочий) и со стороны солдат прапорщик Кузьмин. Была захвачена также губернская типография, в ней стал печататься орган Красноярского комитета Р.С.Д.Р.П. „Красноярский рабочий“. Первый номер этой газеты вышел 10 декабря, а последний № 5—24 декабря, Газета выходила на 2-4 полосах, печаталась в количества—6000 экз. и открыто продавалась на улицах в Красноярске и по линии железной дороги.

В газете можно найти полную информацию о красноярских событиях, ряд статей по различным животрепещущим вопросам, и полное отсутствие сообщений о событиях в России, что, конечно, об‘ясняется полной оторванностью Сибири от России. Газета не была в полном смысле большевистской, так как в 1905 году в Красноярске, да и вообще почти по всей Сибири,

за исключением Читы, меньшевики и большевики работали вместе, в одной организации. Поэтому в редакции «Красноярского рабочего» были большевики и меньшевики (А. Мельников, В. Монюшко и В. Е. Маньдельберг). И тем не менее статьи составлены в духе революционного марксизма—много уделено места критике местных либералов.

В конце декабря прибыли карательные войска в Красноярск, и рабочие и солдаты были осаждены в железнодорожных мастерских. Потом произошла сдача осажденных рабочих и солдат, а затем их арест и все прочее, что полагается делать и творить царскому правительству при усмирении восставших революционных рабочих сил. «Красноярский рабочий» прекратил свое существование вплоть до Октябрьской революции.

Сибирский союзный комитет Р.С.Д.Р.П. в своей подпольной типографии выпускает даже газету «Сиб. Соц.-Демокр. листок».

„Сибирский Социал-Демократический Листок“ возник по инициативе состоявшейся в июне 1905 г. в Томске общесибирской конференции партийных работников. Содержание первого номера было следующее:

Предисловие от редакции.
Царская война и всеобщая сибирская стачка.
За полгода (краткий обзор социал-демокр. деятельности в Сибири, 1 января—1 июля 1905).
Политическое обозрение (июль 1905).
Хроника Сибири.
Кутайсов либерал.
Первый открытый митинг в Томске.
Томск.
Кореспонденции из обл. Омска и Каинска.
По России.
К Одесским событиям.

„Сиб. С.-Д. Листок“ печатался в Томске в союзной типографии, было выпущено № 1 и 2, а затем печатание его было перенесено в Иркутскую типографию.

В нем мы находим следующий взгляд на прошлое: „Мысль об издании газеты для всей Сибири возникла еще четыре года тому назад, в то время, когда сибирский союз только что организовался. Но организация сибирского союза, представлявшая собою в то время ничтожную кучку малоопытных интеллигентов, ни в коем случае не могла бы справиться с этой задачей. Ни материально, ни духовно она не была еще достаточно подготовлена для выполнения этого дела. Все ее помыслы в те дни были направлены на отыскание и укрепление связей в массах пролетариата, с которыми она была связана, более чем плохо... Сибирский союз из кучки социал-демократических интеллигентов превратился (к июлю 1905 года) в значительную рабочую организацию, которая об'единяет в себе по всей Сибири не менее 500 социал-демократических работников.

Духовно и материально силы ее возрасли, и то дело, которое 4 года тому назад было несбыточной и даже вредной мечтой, теперь сделалось осуществимым и полезным для развития социал-демократического движения Сибири.

Кроме „Листка" и прокламаций, союзной техникой были выпущены брошюры: 1) Ерманский. „Наши ближайшие требования" в 5000 экз., 2) „Постановления 2-й сибирской конференции РСДРП, состоявшейся в июне 1905 года" в 3000 экз., 2) „Программа РСДРП" в 35.000 экз. и 4) „Песни революции" в 30.000 экз. На этой последней работе типография 6-го января 1906 года была захвачена на полном ходу работы и арестована со всеми своими работниками: Еленой Прейс, Наташей Михайловой и Ф. Виноградовым.

После провала этой техника союз решил устроить подпольную типографию в полном смысле этого слова. Это было грандиозное предприятие. На имя известного в Томске доктора Грацианова Сиб. союзом был куплен деревянный 2хэтажный дом и под этим домом союз решил устроить подземелье, в котором поставить затем настоящую свою типографию. В этой работе принимали участие. М. А. Попов, Егор Решетов, Герасим Шпилев, Сергей Костриков (Киров) и Иехиель Левинский (Князь). Действительно, подземелье было вырыто и вход в него был устроен довольно искусно: надо было откатить одно бревно стены подвала (двигалось бревно роликом на рельсах легко) и открывалось отверстие, достаточное для входа в типографию. Подземелье было закончено, в нем была поставлена обстановка типографии и сверху уже был постлан потолок, но полиция выследила, что в дом ходит зачем-то поднадзорный Егор Решетов, и ночью нагрянула с обыском. В доме были арестованы Попов, Киров и Шпилев. Подземелье осталось не открытым, хотя полиция выражала удивление, зачем в пустом доме находились перечисленные выше товарищи. Дело открылось уже в конце 1908 года, когда в этом доме, занятом какими-то жильцами, провалилась в это подземелье печь. Нагрянула полиция, и началось следствие, тем более, что в подземелье обнаружили часть типографского станка. Вновь заарестовали М. Попова, Герасима Шпилева, Решетова и др. Поплатился за это дело только Герасим Шпилев ссылкой на поселение.

Если бы удалось это подземелье довести до конца, то типография была бы вполне надежным убежищем.

Помимо союзной в Томске работала комитетская типография (малая), она печатала беспрерывно прокламацию за прокламацией в 5000-10000 экземпляров, на различные темы: был даже листок антирелигиозный с лозунгом: *„Долой царствие божие на небе, и да здравствует социализм на земле"*.

Эта типография была также потом арестована в 1906 году.

Помимо крупных городов работали успешно типографии и в мелких. В Кургане была очень небольшая типография; ее

можно было всю унести на себе, что и делалось в минуты грозившей опасности—провала. Несмотря на свои небольшие размеры, типография обслуживала свой район великолепно. Она выпускала небольшие листки один за другим, и ее листки находили доступ и в деревню.

Работа этой небольшой типографии служила постоянным яблоком раздора между жандармским полковником со станции и исправником города. Один из них уверял, что типография в городе, а другой настаивал, что она или на станции или в Омске. Курганская группа не имела желания помогать им догадываться о месте нахождения типографии и поэтому на прокламации стояла надпись „Типография омского района“, что, конечно, сбивало с толка жандармским шпионов. И типография продолжала работать даже в годы начавшейся реакции, когда кругом уже все замолкло.

Даже в таком захолустном городе, как Барнаул, в 1906 году появилась своя самодельная типография. Местный кузнец сковал для организации самый простой станок и вал. Типографские рабочие натаскали из типографии с полпуда шрифта, и вот в самом что ни на есть грязном переулке *Прутском*, в задней комнатке маленькой, одной половиной осевшего домика появилась подпольная барнаульская типография. Такая типография печатала два раза в месяц по 1000 экземпляров прокламаций, отзывалась на такие важные события: *„Идти ли в армию“*, *„Выбирать ли в думу“*, *„Восьмичасовой рабочий день“* и т. д.

Жандармы выследили типографию и арестовали ее вместе с барнаульской организацией.

Но без своей типографии не может жить рабочая организация. Снова типографские рабочие натаскивают шрифт и прочие принадлежности, снова кузнец кует станок и вал, в 1907 году уже на новой квартире новая типография.

В Верхнеудинске крепкая организация создалась в 1906 г. Здесь насчитывалось свыше 100 членов партии. Решено было организовать свою подпольную типографию. Елена Шумяцкая поступила в частную типографию гр. Нодельмана и „натаскала“ через две недели такое количество шрифта, что часть пришлось отправить в Иркутск Рельсы и вал изготовили в жел.-дор. депо. Техника была установлена в привокзальной части, в небольшом домике. В технике были перепечатаны „Выборгское воззвание“, ряд прокламаций Сибирского союза и два-три листка местного содержания.

Новониколаевская (Новосибирск) организация поставила у себя подпольную типографию только в 1907 г. Подпольный станок не только выпускал прокламации, но и свою газетку „Обский Рабочий“. Типография провалилась в 1907 г. и после этого уже не могла восстановиться

X. Количество подпольных типографий.

И добьются... И дойдут.
Вспыхнет счастия заря,
Трон всемирного царя
Сам захватит мощный труд.

В конце 1905 г. происходит декабрьское восстание рабочих в Москве. Оно было беспощадно подавлено. По Сибири идут навстречу друг другу с Востока и Запада карательные экспедиции генералов Ренненкампфа и Миллера-Закомельского. Рабочих усмиряют. Но рабочие не сдаются. Борьба еще идет. При выборах в I и II думу почти по всем городам Сибири проходят социал-демократы. В Омском районе и Петропавловске в начале 1907 года происходит железнодорожная забастовка. Подпольная рабочая печать работает во всю.

О количестве подпольных социал-демократических типографий в 1905-07 г. г. можно судить по данным, представленным на 2 с'езде Сибирского Союза—Комитета РС-ДРП, состоявшегося в Красноярске, на столбах, в последних числах мая 1906 г. и по нашим данным на с'езде были представлены следующие организации:

	Кол. делег.	Кол. членов партии	Кол. типографий
Харбинская	1	85	1
Читинская	2	230	1
Красноярская	2	200	1
Таежная (Тайга)	1	55	1
Томская	2	180	2
Барнаульская	1	101	1
Омская	1	300	1
Курганская	1	150	1
Не было на с'езде.			
Борзинская	—	20	—
Верхнеудинская	—	12	1
Слюдянская	—	70	—
Иркутская	—	150	1
Илано-Канская	—	58	—
Нижнеудинск	—	50	1
Обская (Н.-Николаевская)	—	30	Здесь типография является в 1907 г.

Итого 15 организаций с 691 член. и 11 типографиями. Но почему то не все организации попали в этот список. Несомненно были организации во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске, Семипалатинске и в ряде других крупных и мелких городов Си-

бири. Несомненно также, что и там была своя рабочая печать, но только печаталась на гектографе. Так, в г. Петропавловске была соц.-демократическая организация и был свой гектограф; но печатную литературу получали из Омска и Кургана.

Значение этой подпольной рабочей литературы было огромное: прокламации находили себе легкий доступ в мастерские и депо жел. дор., где они висели открыто и переходили свободно из рук в руки. Прокламации попадали и в деревню. Комитеты Р. С.-Д. Р. П. рабочим движением в Сибири к 1905 г. овладели вполне. Социал-революционеры и др. организации в роде анархистов, махаевцев и др. имели очень слабое, мало заметное влияние на рабочие массы. Это видно из одного примера: в 1906 году на каторгу везли пять видных эс-эрок: М. Спиридонову, Школьник, Фиалко, Езерскую и Измайлович, осужденных за террористические выступления. И вот, начиная с Кургана, по всей Сибири, рабочие на крупных станциях, где имелись депо и мастерские, устраивали торжественные встречи. Рабочие выходили с красными знаменами на встречу подходившему поезду с каторжанками-революционерками, начинались к ужасу жандармов и проч. чинов революционные речи и песни, а затем просто беседы. В Омске рабочие отцепили вагон и катали его по пути. Жандармы и конвойные были бессильны и не могли помешать рабочим. Но выходившие навстречу рабочие были организованы социал-демократическим комитетом и выступали под социал-демократическим знаменем и лозунгами. И только в Красноярске женщины-узницы увидели знамена своих партийных товарищей. Там только оказалась небольшая группочка эс-эров. Это показывало силу и влияние социал-демократов в Сибири и в этом, конечно, была заслуга и рабочей печати. Эс-эры имели свои типографии, но они работали очень слабо и типографий у них было не более двух-трех по всей Сибири, тогда как у социал-демократов были типографии почти в каждом городе, в особенности в 1905—1906 г. г.

XI. В подпольной типографии *).

„А в переулке длинном,
В час ночи кроткой,
Работают машины
И щелкают верстатки.
Едва во тьме мерцает
Огонь над пыльной кассой:
Газету набирают
Мятежно гневной массы:
Зажжем огонь восстаний —
В сердцах незрячих...".

А. Поморский.

Что представляла из себя подпольная типография?

Устройство подпольной типографии было самое простое: станок, два железных рельса, скрепленных между собою; по ним

*) Настоящая глава составлена по собственному опыту автора, а потому повествование нередко ведется от 1-го лица Ф. В.

катается круглый чугунный вал весом в пуда два—пять; между рельс помещается шрифт; под шрифтом толстое бемское (зеркальное) стекло; имеются, кроме того, валик для наведения краски на шрифт, две кассы для шрифта, верстатки для набора, краска, бумага и по домашности необходимая мебель.

Обычно двое товарищей, по паспорту „муж и жена", занимали отдельный домик, нередко флигелек во дворе, и поселялись в нем, как самые обыкновенные обыватели. Обстановка комнат самая мещанская, с иконами в переднем углу. Товарищи, работающие в типографии, не должны были ничем выделяться из окружающей их среды, чтобы не обращать на себя внимание.

Сама типография (или техника, как мы ее называли) помещалась в отдельной комнате, куда посетители, в роде хозяина дома и пр. чужих лиц, уже не допускались. Так как в Сибири окружающая обстановка была таки довольно патриархальная, полиция и жандармерия не отличалась особой опытностью, то их легко было провести за нос. И подпольные типографщики (техники) жили довольно спокойно и подолгу занимались своей полезной деятельностью.

Вспоминается, как в Иркутске известный жандармский ротмистр Гаврилов (его впоследствии в 1907 г. изувечили из ружья заряженного картечью эс-эры) гонялся за типографией Иркутского комитета Р. С.-Д. Р. П. Жандармы захватывают дом, где накануне была типография, в полной уверенности, что здесь стоит техника. А ее уже и след простыл. Гаврилов знал в лицо всех иркутских эс-эров и эс-деков. Вызывает В. В. Виноградова, который, по предположению Гаврилова, заведывал типографией (и на самом деле В. В. Виноградов был заведывающим иркутской с.-д. типографии) и между ними происходит приблизительно такой разговор:

„Мы вашу типографию проследили, она помещалась вот в таком то доме, но куда вы ее увезли"? Тов. Виноградов пожимает плечами от удивления и возражает, что „г. полковник ошибается, что он никакой типографии не знает и к подпольным организациям вообще никаких отношений не имеет."

Гаврилов, уверяет, что ему прекрасно известно о том, что г. Виноградов заведует подпольной типографией, и рано или поздно его накроют с ней.

Тов. Виноградов *) не сдавался, „знать не знаю, и ведать не ведаю"—был его постоянный ответ. Нередко Виноградова садили в тюрьму, а типография продолжала работать. В марте 1904 г., наконец-то, часть типографии была захвачена Гавриловым при аресте Дмитрия Феденева. Гаврилов ликовал. Каково-же было его удивление, когда вскоре появилась прокламация,

---

*) В настоящее время т. В. Виноградов—покойный.

отпечатанная в неуловимой типографии Иркутского с.-д. комитета. Торжествовали теперь и мы, сидя в тюрьме, над бешенством Гаврилова.

В Кургане, например, типография помещалась рядом под одной крышей дома, где жили полицейские, при чем в одной половине, отделенной от другой глухими сенями, помещалась типография, а в другой половине жили полицейские. Полицейские были очень довольны своими квартирантами. „Вот хорошие люди"—удивлялись они: „Мы пьем, скандалим, а они ничего: не обращают на нас внимания."

В Томске союзная типография помещалась в большом доме на окраине, недалеко от кладбища. Хозяйкой была П. И. Орешина, лет 50. У ней было целое хозяйство: две коровы и куры. Молоко продавалось на сторону. Типографщики жили у ней, как квартиранты. Типография помещалась в отдельной комнате. Хозяйка, конечно, знала, кто и что у ней помещается. Сибирский Союз выдавал на содержание типографии около 20-30 руб. на человека, смотря по средствам. На одежду выдавались особые средства. Обычно, каждый месяц производился подсчет расходам, и затем полученная из союза сумма распределялась на все эти нужды. Если получался остаток, то он делился между работниками на мелкие расходы: театр, баня, газета и пр. В общем типографщики очень бережливо относились к денежным средствам организации. Они сознавали, что эти деньги собраны с рабочих и что они нужны для революции, а потому типографщики себя урезывали во всем.

Условия работы в подпольной типографии были, разумеется, трудны. Товарищи, севшие в технику, не должны были посещать какие либо собрания, даже публичные библиотеки, и вообще подальше держаться от своей партийной братии и подозрительных, с точки зрения жандармерии, мест. Им разрешалось, и то не очень часто, посещать театр. Сообщение с партийной организацией велось через одного товарища (заведывающего техникой), который приносил заказы, бумагу и проч. и на его же обязанности лежало увозить или на себе уносить сделанную работу. Он сообщал все партийные новости и вообще должен был держать товарищей-техников в курсе партийных дел. Но это не всегда исполнялось, и нередко техники узнавали многие события спустя долгое время.

Ясно, долго работать в типографии было очень тяжело: нервы расшатывались. Постоянно приходилось держать себя начеку в сношении с соседями, постоянно врать и не завираться. А от последнего трудно было удержаться, так как наша публика не всегда хорошо знала обывательскую практическую жизнь, и на этой почве нередко возникали комические недоразумения, которые могли привести к довольно неприятным последствиям: к провалу техники. Значит, нужно было держаться очень осторожно с соседями, не вызывая у н их никаких подозрений. Вот, например, в Красноярске, во время печатания первомайской прокламации раздается стук, кто-то стучит в двери. Дело было на пасхе. Выгля-

нув за дверь, к своему великому удивлению вижу попа с крестом. Я не сразу сообразил, что у православных пасха, что поп пришел с крестом и т. д. Видя мое недоумение, поп сам его разрешил, спросив, „Что дома никого нет?"—„Да, говорю, дома никого нет". Поп поспешно удалился. Или вот случай в Томске, в комитетской типографии. Только что наняли отдельный особняк под типографию, расположились и начали работу. Квартиру сняли, как брат и сестра—Андрюша с Маврушей *), а у них жили квартиранты, двое мужчин. Вдруг в самый разгар работы стучат в сенные двери. Мы удалились в дальнюю комнату, сговорившись с Маврушей, что она должна, если пришел хозяин дома принять его одна: все, мол, ушли куда-то. Верно, пришел хозяин дома, и спросил о ее брате. Марвуша заявила, что нет никого дома. А мы лежим и не дышим. Только на нас напал беспричинный смех. Смех стал усиливаться, когда тов. Коган заявил, что на него напал кашель и что он не может не прокашляться. Дело принимало совсем неприятный оборот. Мы ему пригрозили—бока намнем. Тов. Коган долго мучился, удерживаясь от кашля. Хозяин же, как на грех, не уходит, расселся в комнате и беседует. Тов. Коган забрался в угол достал платок и уткнувшись носом в пол, прокашлялся. Мы все замерли. Наконец-то, к нашему облегчению хозяин ушел. Мавруша успокоила нас: кашля в ее комнате не было слышно.

В Кургане дело чуть было не кончилось катастрофически. Здесь товарищи, довольно неопытные в делах конспирации, поместили типографию в домике, вокруг которого не было никакой ограды и изгороди, при чем в типографию поместили двух девушек, которые никогда в типографии не работали. Мало того, к ним стали ходить все курганские работники. Понятно обыватели об'яснили по своему: живут молодые девушки и к ним ходят молодые и старые мужчины. Очевидно, донеслось кое-что и до местной полиции, исправника. И надо было случится так, что я по приезде в Курган был направлен в типографию. Во время нашего разговора, видим в окно, что к нам в домик направляется сам исправник, один без свиты. Пришлось быстро—кое-какими платьями и пр. забросать типографию. Чтобы не допустить исправника в эту типографскую комнату, я вышел к нему навстречу в переднюю комнату, кухню. Обошлось все благополучно. Исправник оказался весьма вежливым человеком и сообразил, что тут в домике действительно живут „девицы" и пр. Попросил наши поспорта. У меня была очень приличная фальшивка на имя Ивана Яковлевича Вдовина. Поинтересовался исправник, не являюсь ли я родственником редактора Вдовина, издававшего в Кургане какую то газетку, побеседовал и ушел.. Как только он скрылся, я заявил девицам, что типографию сейчас же отсюда нужно унести в другое место, а иначе капут. Нагрузили меня шрифтом, рельсами и еще кое-чем, дали мне адрес и я утащил типографию из этого гибельного места.

---

*) М. С. Коган и ее брат Андрей.

Понятно, что эта постоянная настороженность очень нервировала сидевших в технике товарищей. Кроме того, приходилось весьма длительное время жить с одними и теми же товарищами, которые могли иметь весьма различные характеры и привычки, что тоже нередко являлось источником излишнего нервирования. Вот, например, в союзной типографии в Томске жило четыре товарища—Иннокентий Нешумаев (Голова), просидевший в технике года два или три, Гриша Трегубов, Андрюша и пишущий эти строки. Что касается Андрюши и Головы, то эти ребята были довольно выдержанные и к общежитию весьма привычны, но вот Гриша любил иногда поддразнить. Бывало затянет какую нибудь песню и целые дни ее только и слышишь, или привяжется к кому-нибудь со словопрением и доведет человека до белого каления. Пришлось ему выдержать несколько острых столкновений с товарищами, и парень переменился. К концу нашей совместной работы мы жили довольно дружно и расстались искренними друзьями. Возникала в типографиях и любовь и заканчивалась честь-честью браком, если в технике была молодежь обоего пола. Благодаря именно технике очень много поженилось наших товарищей...

Работа в типографии, конечно, была нерегулярная, непостоянная, а от времени до времени. Поэтому приходилось или работать круглые сутки день и ночь, или же ничего не делать в течение нескольких дней. Правда, это относится к комитетским типографиям, что касается типографии Сибирск. Союз. Комитета, там работа была постоянная: там печатались брошюры, газетка и т. п. Поэтому в Союзной типографии, например, в Томске работа шла изо дня в день, но и она нередко прерывалась экстренными заказами, и тогда основная работа вынималась из рельс, и приступали к набору и печатанию экстренного заказа, благо шрифта в Союзной технике было вдоволь.

В свободное время типографщики занимались чтением. Читали очень много, и если в технике было несколько товарищей, то шли большие дебаты. Нередко в технике встречались сторонники большевиков и меньшевиков и, конечно, прения получали довольно основательную остроту. Но надо отметить, что в Сибири большой популярностью пользовалась идея единой, неделимой, великой Р.С.Д.Р. Партии, и поэтому, несмотря на свои расхождения, приходили к одной мысли—партия должна быть единой. Раскола партии боялись и считали его гибельным для революции.

Печатание в союзной типографии происходило следующим образом: двое-трое становились у кассы со шрифтом и набирали текст в верстатки. Набранное ставили на доску в колонку, затем шла корректура в колонках и весь набор потом ставился на стекло (зеркальное) в раму-станок (набор верстали). После всего этого шла уже окончательная корректура и начиналось печатание. У станка становилось трое товарищей: один из них смазывал небольшим валиком краской шрифт, другой в этот момент клал на шрифт бумагу и первый катил находящий-

ся на рельсах, над шрифтом, вал. Его встречал третий товарищ, снимал с полученным оттиском лист бумаги и в свою очередь после наложения вторым товарищем листа бумаги толкал чугунный вал навстречу первому товарищу. При некоторой опытности можно было работать довольно быстро. Так, с небольшим листком—прокламацией, в поллиста, мы обычно справлялись в одну ночь. Вечером принесут заказ, а к утру уже готово 10000 экземпляров. Таким же образом шло печатание и в других типографиях, возможно с небольшими изменениями, смотря по самому устройству техники и опытности товарищей работников.

Чтобы лучше получался оттиск, бумага должна быть несколько влажной. Вот почему перед печатанием бумага смачивалась водой.

Помню, в Кургане плохие получались оттиски. Товарищи, сидевшие в типографии, попросили меня помочь. Осмотрел я их станок: все правильно, но когда я попросил у них бумагу, чтобы сделать оттиск, они мне подали сухой лист. Ларчик открылся просто. Достоточно было смочить слегка лист, и оттиск получился уже совсем отчетливый.

Откуда добывали шрифт и вообще как создавали типографию?

В деле создания типографии принимали самое главное участие рабочие. Они делали в железно-дорожных мастерских рельсы, вал и проч. Типографские же рабочие натаскивали шрифт, верстатки и проч. принадлежности, попросту сказать, воровали; но что было делать в наших условиях? Купить шрифт было невозможно. Правда, где можно было привлечь на свою сторону хозяина типографии, там с ним вступали в коммерческие отношения и дело заканчивалось к обоюдному удовольствию. Но были такие случаи, как, например, в Омске один товарищ Алеша Корбарин поступил на одну частную небольшую типографию и в три-четыре приема *уволок из нее почти весь шрифт*. Бывали и курьезы. Так, в Кургане в 1906 г. владелец типографию Кочешев постоянно приходил в удивление, что на прокламациях, выпускаемых Курганской группой Р.С.Д.Р.П. красуются заголовки из его крупного шрифта, а между тем его шрифт цел. Дело об'яснялось просто: его наборщих Сережа Блестящий, по нашему заказу, приносил тот или иной заголовок, а затем, по минованию надобности, уносил его обратно в типографию хозяина.

Необходимо отметить и столкновения, которые иногда возникали между типографщиками и комитетом. Особенно сильное столкновение наблюдалось в Иркутске, где потребовалось вмешательство Сибирского Союза, чтобы ликвидировать конфликт.

В Иркутском Комитете засели меньшевики—П. П. Доброхотов, Кальмеер и др. Перед выборами во II Госуд. Думу, в 1907 г. комитет прислал в типографию заказ—напечатать прокламацию, в которой черным по белому значилось: «Мы при-

глашаем граждан избирателей голосовать за об'единенный список прогрессивных групп и партий эс-деков, эс-эров и ка-дэ»...

«За Думу, как за орган власти!...»

Одним словом, меньшевики договорились до конца в этом листке. Издать такой листок—это было бы позором для Сибирского Союза.

Когда типографщики Гр. Мучник, Зинаида Печеркина и Степ. Беда (провокатор) ознакомились с листком, то отказались его печатать. Меньшевистский комитет требовал, грозился исключить непокорных из партии. Но типографщики упорно бастовали, не соглашались выпустить на свет эту позорную соглашательскую кадетскую прокламацию.

Конфликт был в конце концов разрешен Сибирским Союзом, который признал поведение типографщиков правильным и „почистил Иркутский Комитет".

Были ли провалы типографий? Конечно, были. Но общие причины провалов по большей частью были выдачи, предательство изнутри организаций. Так, по свидетельству Н. Н. Баранского, в Томске прекрасно поставленная типография была провалена в марте 1904 г. по неосторожности жены тов. Калмакова.

Происшедший в марте 1904 г. провал Дмитрия Феденева в Иркутске *также был* вызван предательством.

Случившийся провал типографии в Красноярске в 1904 г. также был вызван провокацией.

Провал союзной типографии в Томске в ночь на 6-ое января 1906 года, в эпоху диктаторства в Томске барона Нолькена, заслуживает того, что бы на нем остановиться.

В союзную технику в конце 1905 г. понадобился работник. В скором времени такой появился, солдат конвойной команды—Терентьев. Он бежал с действительной службы и при помощи знакомых его решили поместить в союзную типографию (технику.) Терентьев настолько был человек серый, малограмотный и политически невежественный, что приходилось удивляться, как комитет решил посадить его в типографию. Делать нечего, пришлось его обрабатывать, читать, разговаривать с ним и т. п. Но мы ему не особенно доверяли. Так, он раз стал спрашивать, где находится вторая (комитетская) типография. Пришлось ему раз'яснить, что такое конспирация и что такие вопросы вообще не задаются и на них в революционной среде не отвечают.

В силу некоторых обстоятельств решено было союзную типографию перевести на другую квартиру. Как раз приехала из Красноярска Елена Прейс и нас „поженили", т.-е. союз выдал мне и Елене паспорт, как мужу с женой. Елена нашла квартиру в Лесном переулке, особняк, во дворе, № 17 или 11. Переехали—я, Елена, Терентьев и Наташа Михайлова. Проработали на новом месте недели три—четыре и в ночь на 6-ое января 1906 года были арестованы по указанию Терентьева. Он вечером, по окончанию работ, сказал, что пойдет к сестре

и ушел, чтобы послать полицию. Об этом мне после ареста сказали конвойные солдаты, с которыми служил Терентьев, и затем я убедился, когда по окончании следствия читал свое дело, где рассказывалось, как Терентьев явился к томскому полицеймейстеру и заявил о тайной типографии на Лесном переулке. Типография была захвачена, что называется на полном ходу, а мы все трое были заарестованы на печатании брошюрки „Песни революции".

Как переживали в типографии Октябрьские дни 1905 года?

Я могу сказать только в отношении союзной типографии в Томске. Для нас Октябрьские события разразились довольно неожиданно. Правда, мы читали газеты, нам сообщали те или иные новости, но мы все-таки были оторваны непосредственно от живой жизни и особенно от рабочей массы. Понятно, когда начались рабочие волнения и разразилась *Великая* Октябрьская забастовка, мы были оглушены и выбиты из колеи обычной жизни. Гриша Трегубов предлагал выйти из подполья и открыто печатать прокламации. Конечно, мы это предложение отвергли. „Надо посмотреть"—говорили мы,—„что будет дальше". К манифесту 17 октября отношение у нас было определенное: обман народа. И на эту тему был выпущен листок. Начались митинги и пр. Трудно было, очень трудно сидеть в технике. Мы не могли усидеть и вот отправились в городской театр, где чуть не круглые сутки шли митинги под председательством, обычно, В. М. Броннера. Не утерпели и мы—побывали раз - два на митинге и даже приняли участие в выборах томского городского самоуправления, проведенного, главным образом, Томским комитетом, где большинство было меньшевиков. А тут вскоре начались выступления черносотенцев. Помню, что мы печатали какой то листок, как будто: „Организуйтесь и вооружайтесь". Гриша под вечер ушел в город. Через некоторое время он вбежал бледный, растрепанный и прерывающимся голосом рассказал нам, что на площади горит театр и железнодорожное правление, подожженное черной сотней и что в этих зданиях находятся наши товарищи. Гриша предложил нам сейчас же итти туда, вооружившись чем попало, и сам схватил топор. У нас же, в технике, никакого оружия не было, да идти на драку без ведома организации мы не имели права. Кое - как урезонили Гришу, но оставаться в технике все не могли. Прибежали на площадь, где горели здания (театр и железнодорожное правление) и остановились. Кругом была масса народа, много было чуек, вооруженных кольями, железными палками и прочим. Здания были оцеплены войсками. На тротуарах была видна местами кровь. А здания горели во всю. При нас никаких уже избиений не было: некого уже было избивать и убивать.

Мы не спали всю ночь, тревожась за своих товарищей и организацию. На другой день кто-то пришел из союзного комитета и познакомил нас с общим положением. К нам же привели детей доктора Грацианова и затем поместили доктора (председателя

митингов) В. М. Броннера. Ожидали, что будут громить квартиры известных полиции лиц, состоящих в социал-демократической организации.

С Гришей мы наблюдали и погром еврейских магазинов, при чем войска нисколько не препятствовали черной сотне разбивать двери, окна и растаскивать товары из магазинов. Когда мы с Гришей наблюдали с противоположной стороны улицы разгром какого-то магазина, к нам подошел военный генерал (в военной форме) и, засмеявшись, проговорил, обращаясь к нам: „Хорошо сегодня торгуют".

Мы ничего не ответили этому веселому генералу. А потом настали довольно жуткие дни. Их несколько развеял и рассеял с'езд рабочих и служащих железнодорожной Сибирской линии.

В. М. Броннер прожил с нами неделю или две, помогая нам в нашей работе и знакомя нас с партийными делами, т. к. мы, сидя в технике, основательно ото всего отстали. Трое товарищей: Гриша, Андрюша и Голова вместе после Октябрьских дней решили уйти в рабочую массу для революционной работы, а я остался, пока, в технике.

XII. Легальная рабочая печать.

„Пробуждается день... Но задернут восток
Тяжкой грозно нахмуренной тучей...
Из-за края ее брызжет алый поток
Света, жизни и битвы кипучей..."
Синегуб.

Несмотря на поражение московского вооруженного восстания, на разгром в Сибири Читинской и Красноярской республик, рабочее движение продолжало развиваться. В 1906 г. были сделаны попытки издавать легальные рабочие газеты—в Омске, Благовещенске, Харбине и Верхнеудинске. Тов. Шумяцкий в своей книжке „В Сибирском подполье" расказал, как Сибирский союз сделал попытку издать свою газету в Верхнеудинске. Организации удалось взять в свои руки редакцию газетки „Прибайкалье"; издатель и ответственный редактор вполне доверились новым людям, которые сразу же подняли тираж газеты вдвое. В редакции работали Сухоруков („Фомич") и Б. Шумяцкий. Редактор уехал в Иркутск жениться, а в его отсутствие полиция газету закрыла и бросилась искать редактора. Нашли его в Иркутске, стоящего в церкви под венцом. Так из под венца растерявшегося жениха, ничего не понимающего и не соображающего, увели в тюрьму.

После закрытия „Прибайкалья" стали выходить «Забайкальская волна», а затем „Забайкалец" и «Пионер», с тиражем до 2000 экз. Газета была закрыта в октябре 1906 г. Газету перенесли в Читу, где выпустили только один номер под названием „Тайга".

Пришлось издание газеты перенести в Харбин. В 1906 г. Харбинский комитет издавал „Голос Маньчжурии“. По закрытии администрацией этой газеты стала выходить (весьма недолго) газета „Мысль“; ее очень быстро закрыли. И при таком казусе подпольщики-большевики не растерялись и стали искать иной возможности издавать свою газету.

Помощь пришла совершенно с неожиданной стороны—в лице священника Колобова, который согласился быть ответственным редактором большевистской газеты.

Бывают такие казусы в жизни!

Газета стала выходить под почтенным и солидным заголовком „Софийское слово“, но содержание ее было вполне революционно-марксистским. Газета в конце концов была закрыта, а священник Колобов расстрижен.

Вскоре появилась новая газета „Девятый Вал“, которая имела блестящий успех (тираж 9000 экз.). С этой газетой случилось несчастье. Ответственный редактор Клиорин украл название газеты и всю ее хозяйственную организацию и продал меньшевикам врачу Чернявскому и Левенциглеру. После этого удара большевики не смогли уже восстановить своей газеты.

Издавалась легальная рабочая газета в Благовещенске «Амурская газета» и затем в Омске. Об Омской газете придется поговорить отдельно.

Вот и вся легальная рабочая печать в период революции 1905—1907 г. г.

XIII. Омская рабочая печать в 1905—1907 г.г.

„О, Русь, возмахни крылами,
Поставь иную крепь...
Довольно гнить и ныть,
И славить взлетом гнусь.
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.
Уж повела крылами
Ее немая крепь,
С иными именами
Встает иная степь.“

С. Есенин.

Омск, прежде бывший городок чиновников и военных, с проведением Сибирской железно-дорожной линии стал неузнаваем: появилась станция, железно-дорожные мастерские и депо. На станцию и в город нахлынули новые люди, рабочие с новыми запросами и требованиями к жизни. Прежний мещанско-обывательский облик Омска канул в невозвратное прошлое.

В Омске появились огромные магазины, склады для товаров, понаехали купцы и проч. люди наживы. Омск стал перевалочным городом для московских мануфактурных товаров; сначала товары из Москвы шли сюда, а отсюда они уже распределялись по всей Сибири. Город стал расти, обстраиваться, появились новые предприятия: плугостроительный завод Ранд-

рупа, кожевенные заводы, суконная фабрика и ряд кустарных предприятий.

В общем Омск стал довольно оживленным и бойким городом.

Революционное движение в Омске зарождается с открытием железно-дорожных мастерских и депо. Приехавшие из России рабочие привезли и знакомство с революционным движение и связи с революционными очагами России.

Поэтому, можно с полной уверенностью утверждать, что кружки рабочих появляются с 1898 г., а в середине 1902 года на станции Омск складывается организация социал-демократов, во главе которой стоят: Якутов, Калмыков, Кочкин, Щукин, Репеньяш и др. В конце 1902 года эта группа рабочих связывается с городом при посредстве ссыльного Ляховецкого Н. М. (Майский) и Гусева И. Ф., устанавливается общий центр. Организация выпускает листки от имени Омской группы революционной социал-демократии, отпечатанные на гектографе, при чем прокламации печатались в д. Гильмана по Семинарской ул., где находилось какое то статистическое бюро.

Группа постепенно начинает развертывать свою работу среди железно-дорожных рабочих и среди учащихся в городе.

Что касается железно-дорожных мастерских, то здесь дух недовольства был очень велик, и прорывался каждый год, то выступлением против воровских притонов, свивших свое гнездо на станции среди рабочих, то экономическими забастовками.

Первая забастовка возникла в 1898 г. и руководил ей рабочий кузнец Е. А. Грозный, а затем забастовки следовали уже каждый год, вызываемые исключительно экономической борьбой.

Несмотря на наличие революционных рабочих, в силу полицейских условий, в Омске долго не могли поставить своей подпольной типографии. Только в конце 1905 года Омский комитет организовал свою типографию. Вот как описывает типографию т. С. И. Кочнев, первопечатник Омской подпольной типографии:

„В Октябрьские дни я жил в Омске безработным и целые дни проводил на митингах, на площади, где теперь находится сад Профинтерн (Казачий сад). В то время там выступали, главным образом, т. т. Андрей Самарец и Половников. Вечерами мы печатали прокламации на гектографе в квартире Кузи Фоминова. Но через несколько дней было решено оборудовать маленькую типографию. В железно-дорожных мастерских была изготовлена рама и вал для полулистового формата прокламации. Шрифт был собран небольшими частями из местных типографий, при чем главная его масса была получена через т. Елкина, работавшего в типографии какой-то местной газеты. Квартира для типографии была снята на Перевозной улице между Станичной и Береговой, в отдельном флигельке, имеющем парадный ход. Она представляла из себя помещение из 3-х комнат и кухни. Квартиру наняли на имя матери тов. Фоминова, и мы поселились в ней в числе трех человек: мамаша, затем сестра Кузи Фоминова и я. Но через некоторое время ра-

боты стало много, так что мы, работая по 18 часов в сутки, не могли с ней справиться. Поэтому товарищи предложили мне подыскать еще одного человека из известных мне и надежных товарищей. Таким товарищем был избран и введен в нашу „технику" ученик фельдшерской школы тов. Корбарин „Алеха". Иногда нам помогала другая сестра Кузи, которая приезжала к своей матери с одного из ближайших раз'ездов.

Типография была устроена в высшей степени примитивно. Шрифта было мало, и товарищи типографщики боялись дать нам нового шрифта. Вследствии чего работа не могла итти непрерывно, т.к. набрав поллиста, мы уже исчерпывали весь шрифт и для того, чтобы печатать новые поллиста, нужно было разбирать. Тираж прокламаций и вообще всех изданий достигал 2 и 3 тысяч экземпляров. Работа происходила таким образом: набирали двое, стоя у одной кассы; приспособлений для укрепления листа в станке-раме совершенно не было никаких, и нам приходилось уклинивать набор, чтобы он не выпадал и не тащился за валиком

Набор в раме помещался на зеркальном стекле, вся рама устанавливалась на скамейке, по концам которой садились работники; сбоку ставилась табуретка с небольшой мраморной дощечкой, на которой растиралась валиком краска. Один из работающих, предварительно растерев краску на доске, проводил валиком по шрифту, другой товарищ накладывал на шрифт бумагу и первый после этого проводил валом с ручками по этому листу, получался оттиск, который снимался товарищем накладывающим бумагу. Всякий может представить, как быстро шла таким образом работа. И вот при этих то условиях, мы все же выпускали листовки по 2 и 3 тысячи экз. в день. В свободное от работы время никто из нас не мог пойти прогуляться по городу или к знакомым, так как это угрожало опасностью провалить квартиру, и мы вели очень замкнутый образ жизни. Во время работы и отдыха вели беседы о прочитанном; читали много, иногда читали вместе, чтобы лучше разобраться. К нам приходило очень мало людей: приносили заказы и бумагу, и от нас работу брали 2-3 человека. Главным образом ходила к нам Лиза Яковенко, иногда Валя Бирюкова. Комитетчики к нам почти не заглядывали, бывал у нас Петр Петрович, затем тов. Анатолий Байкалов, Гладышев Александр и Ширямов А-др.

Уже в декабре месяце мы стали чувствовать, что такой замкнутый образ жизни на нас действует и часто стали из за пустяков ссориться между собой. Маня Фоминова настолько расстроила свое здоровье, что она с мамашей решила уехать на станцию к старшему брату Кузе. Пришлось поэтому перенести квартиру в другое место и (если не ошибаюсь) в первых числах января 1906 года мы переехали на уг. Фабричной и Мясницкой. Здесь поселились: я, Алеха и еще Алеха—семинарист и Лиза Яковенко, через несколько дней приехала из Томска Шура Терентьева. Квартира была довольно большая, но неуютная, холодная, и главное, она не представляла из себя особняка: за

стеной, хотя и капитальной, жили совершенно неизвестные нам люди. Мы очень опасались, что они услышат ритмическое движение нашего вала по шрифту. Кроме того, нам подозрительным казался один гражданин, живший во флигеле, на той же усадьбе. Он ни с того ни с сего иногда останавливался и заговаривал с нами. Мы проработали в этой квартире, я думаю, не больше двух месяцев, и когда Фоминовы уехали на станцию, то мы взяли эту квартиру уже на мое имя и перебрались снова туда же. Здесь было во всех отношениях удобно: улица совершенно глухая, у самого Иртыша; хозяйка дома вдова какого-то казачьего офицера, совершенно не интересовалась, кто такие квартиранты и чем они занимаются; ей только было интересно получить своевременно деньги за квартиру и больше ничего. Вскоре Алеха уехал для работы в Курган, также в типографию, Лиза Яковенко тоже долго не выдюжила, и мы остались трое. Но упорный труд, замкнутая жизнь и всегдашняя опасность расстроила наше здоровье. Мы с Шурой вышли из „техники" в конце мая 1906 года. Что стало с типографией, кто стал работать после этого, не знаю, т.-к. уже в августе месяце мы были арестованы и высланы из Омска.

Что же печаталось в нашей типографии? К сожалению, у меня не сохранилось ни одного экземпляра, но я вспоминаю, что были воззвания к рабочим железнодорожных мастерских, к солдатам, к казакам, были воззвания вообще к гражданам. В этих воззваниях отмечалась лживость обещаний правительства, указывалось на необходимость не останавливаться на тех завоеваниях, которые достигли трудящиеся в *октябрьские дни* 1905 года; была прокламация о 9 январе 1905 года, о праздновании *1-го мая;* печатались отчеты о сборе пожертвований на с.-д. организацию, были напечатаны песни революционные, перепечатывались отдельные статьи из заграничных с.-д. изданий и т. д.

Кстати сказать, явочная квартира в то время была в доме т. *Трифоновой* Доры, сестры Ершова Артема. Эта квартира находилась за углом от типографии и была очень хорошо законспирирована, т. к. в этом же доме находилась прачечная и приход и уход посетителей ни в ком не мог возбудить подозрения.

К сказанному должно добавить, что несмотря на свои небольшие размеры, омская техника умела отвечать вполне своевременно на все события, как российские, так и свои местные. Вот происходит забастовка в типографии газеты „Степной Край", которую издавали местные либеральные буржуи. Полиция и казаки, к великой радости либералов, избивают рабочих за устроенную ими забастовку. Омский комитет печатает и выпускает по этому поводу листовку, где разоблачает и царское правительство и либеральную буржуазию за их подлый союз против рабочих.

Вот степной генерал-губернатор *Сухотин* созвал запасных и об'ясняет им, что их демобилизация задерживается по вине забастовавших железнодорожных рабочих. Ясно, этот народный палач хотел натравить запасных солдат на рабочих. Омский ко-

митет в своей прокламации достойным образом клеймит это науськивание царского холопа.

Или вот, железнодорожная администрация расчитывает лучших товарищей рабочих с тем, чтобы сорвать забастовку *1-го мая* 1906 года и вообще разрознить ряды рабочих. Комитет снова своей прокламацией разоблачает эту гнусную проделку.

Даже свой денежный отчет Омский комитет издает в форме прокламации, где призывает к борьбе с царским самодержавным игом.

Даже цифры, напечатанные в этом отчете, пропитаны насквозь ненавистью к этому уродливому строю. Цифры отчета крайне показательны:

Всего больше, конечно, жертвуют рабочие и всего меньше либеральная буржуазия. Как видно из представленного отчета, собранных средств нехватает и приходится занимать от сибирского союзного комитета. Расходы, главным образом, ложатся на содержание и раз'езды профессиональных революционеров и на типографию. Рубрика „конспиративные расходы" обозначала расход на содержание типографии, при чем на нее выходило 45 руб. 99 коп. в месяц, не забудем, что в типографии жило три-четыре человека, надо было отапливать помещения, питаться и иметь одежду. Как видите, очень скромно жили наши подпольные типографщики, дорожа каждой копейкой комитета.

К концу 1906 года омская подпольная типография увеличилась: прибавилось больше шрифта, так что стало возможным набирать сразу большую листовку, с обоих сторон, без перерыва; был усовершенствован станок (рама) и был сделан большой вал, около 12 пудов весом, который хранится в омском истпарте. Типография стала выпускать от 5.000 до 10.000 прокламаций и больше. Она своими листками обслуживала не только Омск, но и соседние города и деревни. Омская жандармерия усиленно но охотилась за типографией, и только в октябре 1906 года, когда пришлось менять квартиру типографии, и один (к несчастью, лучший) из двух станков со шрифтом был временно помещен на квартире Веры Кононович, запечатанный в ящик, размеры и прочие свойства ящика вызвали подозрение горничной. Она заявила своему хорошему знакомому приставу. В результате—этот станок был захвачен полицией и Вера Кононович была арестована. Но уже через два дня комитет выпустил свою прокламацию, отпечатанную на втором станке.

XIV. Легальная печать в Омске 1906-07 г. г.

> „Да скроется сумрак, да здравствует свет!
> „Мы вестники новых времен,
> Весна молодая идет нам вослед
> Под сенью несчетных знамен".
> *Тан,*

Из легальных соц.-демократических газет самая интересная в Сибири была Омская газета „Степной Голос", редактором которой был инженер гидро-техник Корнеев. Газета стала выхо-

дить 4 января 1906 г. под заголовком „Степной Голос“. Общественная, политическая и литературная газета. Сначала газета выходила в виде листка с одними только телеграммами и об‘явлениями. Но с № 79 форма газеты увеличивается и появляются передовицы и статьи на общерусские политические темы. В первой своей передовице, от 16 апреля 1906 г., газета заявляет, что она присоединяется к партии народной свободы, т.-е. к конституционалистам—демократам (сокращено к. д.).

Последующие революционные события, которые развертывались в России, и в частности в Омске, заставили газету резко изменить свою позицию. В № 96, от 6 мая, в фельетоне „6 дней“ дается критика кадетской партии и газета становится соц.-демократической. Так, в этом номере мы найдем сообщение о состоявшемся первом с‘езде соц.-демократических организаций Омского района и сообщение о IV партс‘езде РСДР партии. И затем в последующих номерах идет постоянная и все более и более резкая критика кадетской партии. В отделе Омская хроника мы находим ценный материал о жизни Омской соц.-демократической организации.

Омский соц.-демократический комитет обратил усиленное внимание, в целях широкой агитации, на выборы в I государственную думу. „Степной Голос“ в этом отношении оказал большие услуги. С № 100 идет газетная предвыборная кампания. В этом номере помещено горячее воззвание под заголовком: *)

„Товарищи, приказчики и конторщики“. Воззвание подписано инициалами Н. С. Т. (Тюлькин Н. С.). Автор призывает приказчиков и конторщиков голосовать за список кандидатов Омского Комитета РСДР партии, а не за кадетский список. „Знайте, товарищи, что партия к.-д.—партия буржуазная... Только партия РСДРП одна может защитить наши интересы... Поэтому, товарищи, подавайте голоса за тех выборщиков, которых выдвинет родная нам по духу РСДРП“.

Интересна в этом номере передовица, которая также приглашает омских граждан голосовать за список социал-демократов. Призыв газеты и мотивировка ее весьма характерны для того времени: „Граждане, *не бойтесь* партии социал-демократов. Пример Западно-Европейских стран показывает нам, что их не боится даже и достаточный класс мелких буржуа, и на выборах голосуют за кандидатов этой партии. Почему? Потому именно, что эта партия единственная, которая не идет ни на какие уступки правительству и, опирается единственно на волю народа, его наказов. В Германии все евреи, все поляки, все так или иначе угнетенные, голосуют за кандидатов партии социал-демократов.

Еще раз спрашиваем, почему? Потому, что научены горьким опытом и, стоя на чисто классовой точке зрения, ведя классовую борьбу с пролетариатом, борясь с ним, знают хорошо, что политическую и гражданскую свободу могут отстоять только социал-демократы. Граждане! Если вам надоело жить по старому, то исполняйте свой долг“.

---

*) Орфография всюду заменена нами новой Ф. В.

В этом же номере газеты мы найдем и воззвание к *гражданкам* гор. Омска, которое также призывает омских женщин „все силы, все наши способности, все наше влияние употребить на то, чтобы наши отцы, мужья, братья, дети, друзья и знакомые голосовали за кандидатов выставленных рос. соц.-дем. рабочей партией. Только эта партия даст свободу всему народу, только эта партия действительно дает свободу женщине. Ибо у этой партии слово не расходится с делом". Подписано воззвание.—„Одна из многих". Таким образом, при избирательной агитации не были забыты и женщины.

№ 105 „Степного Голоса" выходит с извещением на первой странице списка кандидатов в гос. думу от Омского Комитета РСДРП, а на второй странице, в начале ее, крупным шрифтом набрано следующее воззвание:

„Граждане!

Вам уже ясна программа социал-демократов, вам уже известно чего они хотят, что отстаивают и будут отстаивать. Вы знаете их, как способных не на болтовню, а на дело. И чтобы выполнить свой долг пред страдалицей-родиной, сегодня идите в городскую думу подать свой голос за кандидатов в выборщики, выставленных организацией Омского Комитета РСДР партии.

Выборщики: 1) Навдинис В. П. машинист депо.
2) Ишерский В. И. врач.
3) Корнеев А. И. инженер.
4) Рахманов Н. П. техник".

Избирательная кампания закончилась победой социал-демократов: на выборах в Омске и затем окончательные выборы в думу закончились избранием представителя Омск. Комитета РСДРП Вл. И. Ишерского. *)

В № 129 (21 июня) помещен наказ В. И. Ишерскому от омских граждан. Говоря в начале об общих условиях жизни в России и о задачах, которые выпали на долю представителей социал-демократов в государственной думе, наказ заканчивается следующими многознаменательными словами: „Ваша задача, лучшие представители в думе, помочь народу скорее организоваться в крепкие отряды, ваша задача будить с думской трибуны просыпающиеся массы, указать им выход из того тяжелого положения, в котором живет теперь вся Россия".

„Призывайте же рабочих организовываться в советы рабочих депутатов, крестьян—вокруг крестьянских революционных комитетов, всех граждан сплочиваться вокруг политических партий, союзов. Вам предстоит трудная борьба, но знайте, что народ, жаждующий учредительного собрания на 4 х основах, земли для крестьян, 8 часового рабочего дня для рабочих, поддержит вас в этой великой борьбе, поддержим и мы—омские граждане".

В следующем № 130 описывается то многолюдное и торжественное собрание, на котором был вручен этот наказ. Собрание носило столь торжественный и сильный характер, что при-

*) В. И. Ишерский теперь за границей, в рядах белой эмиграции.

нимая этот наказ омских граждан, который был составлен и подписан Омским Комитетом РСДРП, Ишерский от волнения мог сказать только: „Мне—ваш наказ, а вам—моя жизнь!“...

Эти простые слова были встречены рабочими, приказчиками и прочими омскими гражданами громом долго несмолкаемых аплодисментов, которые перешли в овацию Ишерскому.

В № 132 описаны торжественные проводы и митинг в городе, а затем на станции у вагона Ишерского. Здесь были вручены наказы от имени омских железнодорожных мастерских и от омского гарнизона солдат.

В газете напечатаны приветствия от рабочих г. Кургана, Челябинска, и ст.Петухово по случаю победы на выборах.

„Степной Голос“ много внимания уделяет и общим вопросам, событиям дня и дает резкую критику деятельности царского правительства и правых партий, а также и не забывает к.-д. В одной из статей, написанной А. Б. (Анатолием Байкаловым*), „Новый кабинет“ говорится о возможности поручения составления кабинета министров из представителей партии Народной свободы председателю 1 госуд. думы Муромцеву, вождю к.-д. партии. Автор, критикуя к.-д., заканчивает свою статью пророческими словами: „Но все же пролетариату и сознательному крестьянству нужно иметь в виду, что не сегодня — завтра кадеты возьмут в свои руки штыки и пулеметы и пойдут против революции,—нужно иметь это в виду и сделать соответствующее приготовление, не медля, сейчас же“.

В статье „Дума и социал-демократы“ газета твердо защищает тактику социал-демократической фракции в думе и говорит о том, что на местах идет организация рабочих в советы рабочих депутатов и крестьянства—в комитеты.

В № 137 перепечатка из другой газеты о расстреле Нестера Мигинейшвили в Поти и о его мужественном поведении на казни.

Вполне сознавая, что на социал-демократии лежала обязанность пробуждать и сплочивать демократию, чтобы, идя врозь, бить вместе, газета отводит место и просто демократическим группам, не принадлежащим к социал-демократии. В газете поэтому встретим статьи с призывом к демократам - казакам и даже к демократам-христианам.

Чтобы представить себе яснее физиономию газеты, приведем содержание одного из ее номеров, хотя бы № 135.

Передовая посвящена резкой критике правительственного проекта о введении военной диктатуры в России.

За ней идет статья „Реформаторские потуги“, трактующая об усиливающемся крестьянском движении и о попытках правительства остановить это движении половинчатыми реформами.

Имеются *отделы—Русские Известия, Отголоски печати*. — Это вырезки из газет о рабочем и крестьянском движении в России

---

*) Увы, тоже белый эмигрант и живет в Лондоне.

и различные мнения печати по тем или иным событиям и вопросам российской действительности.

В подвале—маленький фельетон „Два брата (голод и капитал)".

Сибирская хроника—перепечатка из газет о рабочем и крестьянском движении в Сибири. В этом отделе попадаются любопытные сведения из партийной жизни Сибирского союза комитета российской социал.-демократ. рабочей партии, так, в №№ 124, 125 и 126 помещен отчет о заседаниях состоявшегося в конце мая 1906 г. 2 с'езда сибирского союза—Ком. РС-ДРП с резолюциями и утвержденным уставом союза. Правда, в резолюциях есть пропуски в силу цензурных условий.

В омской хронике — довольно подробно освещена жизнь Омских рабочих, как партийная, так и профессиональная. Так в этом № хроника открывается воззванием к столярам г. Омска по поводу неудачной забастовки и о созыве нового собрания для обсуждения двух неотложных вопросов: 1) результаты истекшей забастовки и 2) о профессиональном союзе.

Письмо в редакцию.

В. И. Ишерский (краткая его биография).

Наказ выборщиков от сибирского казачества члену государственной думы И. П. Лаптеву*).

Переселенческое движение, областная хроника—корреспонденции из разных мест Сибири.

Хроника г. Петропавловска.

В общем и целом газета довольно большая и осведомленная. В настоящее время она является богатым материалом по изучению революционного движения в 1906 г.

Из отдельных статей, помещенных в „Степном Голосе" нужно упомянуть следующие:

С № 133 начинается печатание статей об об'единенном с'езде Росс. соц.-дем. раб. партии. Затем имеются сведения о социал-демократических организациях Польши, Латвии и Бунда, и, конечно, о деятельности Петербургского и Московского комитет. РС-ДРП.

Интересны корреспонденции из Красноярска, Томска, Кургана и др. гор. и мест Сибири. Так, в № 137 со ст Курган сообщают о состоявшемся собрании членов Курганской группы РСДРП, при чем, из 155 числящихся членов на собрание явилось 100. На собрании произошли выборы членов группы (руководящего коллектива) на 3 месяца и был принят наказ В. И. Ишерскому.

Понятно, что такая газета едва терпелась царской администрацией.

12 июля 1906 г. „Степной Голос" на № 144 был закрыт на все время военного положения. Но вместо него стал выходить „Степной Вестник", который был прихлопнут на № 1. В этом но-

---

*) Прогрессист — левее кадет. Был член государственного совета во время войны 1917 г, умер в 1917 г.

мере интересна большая статья под заглавием: „Профессиональные союзы“ со следующими подразделениями:

1) Как организовать профессиональный союз?

2) Предварительные условия образования проф. союзов.

3) Следует ли при свободных условиях рабочим ограничить свою борьбу профессиональной?

После „Степного Вестника“ выходят несколько дней только агентские телеграммы.

Наконец, получено разрешение на новую газету „Степной Пионер“ под редакцией того же инженера Корнеева. Газета продолжает снова вести социал-демократическую линию. В газете мы найдем оценку разгона 1 государственной думы, Выборгское воззвание, восстания в Финляндии, Свеаборге, Кронштадте и Ревеле (Память Азова); забастовки в Петрограде и др. городах, казацкое и крестьянское движение, взрыв Столыпинской дачи и др. события, которыми еще так богат 1906 г.

Имеются принципиальные статьи — „Ортодоксальный марксизм и ревизионизм“, „О политических партиях и партийной дисциплине“ и др.

Из прочих статей должно отметить: „С'езд немецкой социал-демократической партии в Мангейме“, „Суд над советом рабочих депутатов в Петербурге“, „Профессиональные союзы“, „Забастовка приказчиков“ и др. Отведено много места освещению положения политических ссыльных в местах ссылки и тюремному заключению.

В № 56—большая корреспонденция из Томска о тюремной обструкции, учиненной заключенными и о расправе над ними.

Газета стремится всколыхнуть рабочее движение и направить его по пути организованной борьбы. Для борьбы с усиливающейся безработицей „Степной Пионер“ в передовой № 60 предлагает избрать совет безработных. Передовая № 68, 17 октября, посвящена победе 17 октября 1905 года рабочего класса над царским самодержавием. Этим номером заканчивается деятельность „Степного Пионера“. Генерал-губернатор закрывает его. Но рабочая печать не желает сдаваться без боя: вместо закрытого „Степного Пионера“ начинает выходить „Степная Газета“. Вышло всего 13 номеров. Газета вновь повела борьбу за выбора в 2 госуд. думу. Но 4 ноября по постановлению генерал-губернатора Попенгута газета была закрыта на все время военного положения, редактор-издатель Корнеев выслан из пределов Акмолинской области. В это же, приблизительно, время случился провал конференции омской организации Р.С.Д.Р.П. Было арестовано 38 человек, в том числе лидеры омск. соц.-демокр. К. А. Попов и Шанцер. Рабочая легальная печать была задавлена.

Легальная рабочая печать сумела оказать пролетариату большую поддержку в его борьбе с царским самодержавием. Ей приходилось часто менять свое название, но сущность в ней оставалась прежняя «Степная Газета» начала борьбу за выбора во 2-ю думу и не смогла ее закончить по независящим от нее обстоятельствам. Тем не менее, несмотря на отсутствие легальной ра-

бочей печати и на присутствие весьма солидной кадетской печати в Омске, как „Иртыш“ и др., все-таки при выборах в госуд. думу прошел представитель социал-демократич. организации врач Александр Константинович Виноградов.

Помимо газетной работы легальная рабочая печать—„Степной Голос“, „Вестник“, „Пионер“ и „Степная Газета“—производили сборы в пользу полит. ссыльн., заключенных, на поддержку забастовавших рабочих и т. п. Кроме того, помогали и шрифтом нелегальной подпольной типографии.

Из омских печатных органов нужно еще остановить внимание на журнальчике „Сибирский Приказчик“. „Ежемесячный социально-политический и литературный журнал, посвященный интересам трудящегося класса“. Так значилось на его подзаголовке.

Первый номер вышел очень неудачным. Вот передовая, в которой редакция заявляет о своей внепартийности „Не отдельная партия, а только сам народ в его лучшем и целом устроит свою судьбу так, как ему хочется. А хочется ему *земли и воли*“.

Этот лозунг оказывается вполне естественным лозунгом и для приказчиков, ибо, по мнению редакции, и их „тянет на землю“. Точно также и все остальные статьи в этом номере довольно бесцветны и малосодержательны.

Последующие номера „Сибирского Приказчика“ нельзя сказать, чтобы выправились и приняли определенную физиономию. Дело в том, что среди приказчиков боролись за влияние три партии: —кадет, эс-эров и социал-демократов, но была и довольно сильная группа „беспартийных“, вернее анархо-синдикалистов во главе с приказчиком Ефремовым, который писал под псевдонимом “Иуда Мытарь“. Поэтому на общих собраниях шли большие сражения, в особенности, между социал-демократами и эс-эрами. Это отражалось и на редакции журнальчика, то редакция эс-эрствовала, то беспартийничала... „Сибирский Приказчик“ просуществовал до 1907 г. и был закрыт вместе с профсоюзом приказчиков.

XV. Годы реакции и войны 1914-16 г.г.

„Лес рубят... Но земля укроет
семена.
Пройдут года, и мощной жизни
силой
Поднимется берез зеленая
стена —
И снова зашумит над братскою
могилой“.

Г. Галина.

Разгон I и II Думы, арест думской социал-демократической фракции, изменение избирательного закона, гонения на печать, на рабочие организации, все это говорило и свидетельствовало о том, что черносотенная реакция наступает. Либеральная буржуазия давно уже ушла под крылышко царского самодержавия: Милюков и Гучков—эти буржуазные вожди—тянулись робко и конфузливо к министерским портфелям.

Крестьянское движение было разбито и ушло снова в свою деревенскую скорлупу.

Только один пролетариат оставался на боевых позициях и принимал бой за боем Но силы были неравны, и рабочие должны были шаг за шагом отступать и отступать. Революционные силы дробились, начались экспроприаторские выступления и разрозненные вооруженные восстания матросов и солдат в Кронштадте, Владивостоке и др. городах.

Царское правительство, получив от международной буржуазии деньги на подавление революции, ввело по всей России и на окраинах осадное, военное и проч. положения, дававшие возможность жандармам и полицейским творить всякие дикие расправы над рабочими и крестьянами. Военно полевые суды действовали и в России и в Сибири, отправляя всех, кто угодил в лапы суда, на виселицу и, за малым исключением, на каторгу. Господствовал ужасный белый террор.

Несмотря на реакцию, рабочая печать продолжает свою борьбу. В Иркутске в 1907 г. подпольная типография не только выпускает листки, но и печатает газету „Иркутский Рабочий". В Ново-Николаевске (Обская группа) подпольная типография до своего провала в октябре 1907 г. выпускает и листки и газету „Обской Рабочий". Очень успешно работает и курганская типография. Выпускает листки и барнаульская типография. Но уже замолкли типографии в Томске, Омске, Красноярске и Тайге: половина типографий выбыла из строя. В 1908 г. замолкают и последние подпольные станки в Сибири.

В Омске уже в 1908 году замирает почти всякая нелегальная революционная жизнь, типографии социал-демократических комитетов ликвидируются полицией и иногда по недостатку средств на их содержание. Так, в Омске типография была ликвидирована по недостатку именно денег. Надо было платить за квартиру, давать на содержание троим товарищам, а в кассе комитета ни гроша. Пришлось тайно, ночью, вывезти типографию и мебель, а затем скрыться, не заплатив хозяевам за квартиру. Часть типографии была зарыта за Казачьим кладбищем, у мельницы, но теперь, конечно, ничего нельзя найти. Станок был спрятан у т. М. Вичинского, но ему пришлось, в виду частых набегов на его квартиру жандармерии, станок уничтожить. Вал сохранился и находится теперь в Истпарте. Пытался просуществовать „Сибирский Приказчик", но вскоре в 1907 году был закрыт.

И так рабочая печать в Сибири с 1908 г. сходит на нет на весьма долгое время.

Интересно отметить, что в 1909 г. в Омске была сделана попытка издать свою социал-демократическую газетку. Приехал в Омск В.И. Николаев и повел агитацию. Собрали по мелочам деньги, получили разрешение и выпустили газетку под названием „Утро Сибири". В этой газетке были корреспонденции из местной рабочей жизни (завода Рандруп, железно-дорожных мастерских и др.). Газетка была интересна, и разносчи-

ки бойко ей торговали, так что даже не хватало для продажи. Но на другой же день ее прихлопнули.

Другая попытка была сделана уже в 1910 году, когда в Омске появился „Омский Вестник". На этой попытке следует остановиться, чтобы показать, к каким только ухищрениям приходилось прибегать, отстаивая возможность существования легальной рабочей печати.

Омский Вестник вышел 15 марта 1909 года под заголовком „Омский Вестник", общественно-литературно экономическая газета., Редактором издателем газеты был некто С. Д. Муромцев.

В начале газета была чисто кадетского направления. В 1910 году „Омский Вестник" перешел в руки некоего Крутовского. Этот гражданин решил на газете подзаработать и поэтому, не долго думая, обратился через газетных работников к социал-демократам взять газету (редактирование и сотрудничество) в свои руки. Он, конечно, надеялся, что газета в руках социал-демократов оживет и тираж ее повысится, что впоследствии и оправдалось.

Омский Комитет Р.С.Д.Р.П. тогда существовал, литературные силы в его распоряжении были, и Комитет решил взять газету в свои руки. Таким образом, 29 июля (11 августа) 1910 г. с № 162 „Омский Вестник" выходит под редакцией Н. Н. Гладышева, а затем с № 202 – В. Н. Чащихина и с № 220 под редакцией М. Соловьева до 9 декабря 1910 г., когда социал-демократы были вынуждены уйти из состава редакции „Омский Вестник"

Кто же сотрудничал в Омском Вестнике?

В газете принимал участие целый ряд социал-демократов: К. А. Попов. А. Н. Гладышев (Глан), Н. Н. Гладышев (К. О. Лин) Н. Н. Суслов (N. Petite), А. И. Гурьевский (Тамга) Ершев А. И. и др.; из ссыльных—Соколов (Митрич) и из сибирских писателей А. Е. Новоселов (Невесов). Редакционный коллектив состоял из К. А. Попова, А. Н. Гладышева и Н. Н. Суслова.

Омский Вестник выходил в 5-6 полос и имел следующие отделы: 1-телеграммы, 2-последние известия (из газет), 3-передовая, 4-обзор печати, 5-одна две статьи на обще-русские или сибирские темы, 6-местная жизнь, 7-хроника, 8-театр и музыка, 9-наш край (корреспонденции) 10-по Сибири, 11-биржевые сведения и 12-об'явления.

В общем, принимая во внимание тогдашние цензурные условия, газета выделяется из прочих Сибирских газет своей выдержанностью, принципиальным подходом к явлениям российской действительности, защитой интересов пролетариата и крестьянства и своей осведомленностью; печать в газете хороша, составлены номера умело, и каждый номер имеет свою, что называется, изюминку, свой стержень, вокруг которого построен весь материал газеты. Таким стержнем в газете являлась передовая на какой либо общий российский вопрос и последующий материал уже гармонирует по возможности с ней.

Вот № 202 от 19 сентября (2 октября): передовая носит заглавие „Преисподняя". Она посвящена главному тюремному

Управлению, его смете, внесенной в государственную думу, и переполнению тюрем. Ставя вопрос, почему с каждым днем растет население в тюрьмах и будет ли этому росту конец, передовая отвечает: „нет, в нем сказывается вся русская жизнь, со всеми ее бедами, с ее безработными пролетариями, с ее нищетой, с ее голодными крестьянами, с ее народным невежеством и темнотой, с ее исключительными положениями, с ее административными и судебными порядками, со всеми ее общественными и государственными неустройствами!.."..

В отделе Обзор печати говорится о том-же зле русской жизни, о тюрьмах, наполненных и переполненных до абсолютного перенаселения—рабочими и крестьянами. Два фельетона в этом номере Аверченко и Азова посвящены вопросам о растлевающем влиянии охранки и провокации, таким образом,—также связаны с тюрьмой. Большая статья „За монастырской стеной" описывает жизнь избранного и покровительствуемого правительством монашеского общества, которое занимается исключительно пьянством и развратом.

„Омский Вестник" стремится, не взирая на полицейские условия, осветить все наболевшие вопросы тогдашней российской жизни. В № № 221, 222, 225, 226, 227, 256 и других передовые посвящены положению рабочего класса в России и за границей, его жизнь, новый под'ем на борьбу, рабочее законодательство и т. д. В передовой под заглавием „Жертвы капитала" редакция ставит вопрос, когда же прекратятся увечья рабочих на фабриках и заводах, и отвечает: „только широкая и прочная организация самого рабочего класса" может положить предел варварскому обращению капиталистов с рабочими.

В № № 207, 217, 220 и др. передовые посвящены положению приказчиков, почтово-телеграфных служащих и даже китайских рабочих, занятых на золотых приисках; и здесь редакция спасение видит в распространении пролетарской солидарности и организации союза.

В № 219 передовая обращает внимание на правительственный закон о выделе крестьян из общины.

Во многих номерах передовые статьи критикуют деятельность правительства и большинство государственной думы.

Передовые носят ясные заглавия: „Бесплодие", „Реформаторские потуги", „Циники" и т. д.

Сибирское земство, высшее образование в Сибири (сельскохоз. институт), еврейский вопрос, хищения и казнокрадство, сенаторские ревизии, поездка Столыпина в Сибирь, министерство народного просвещения и положения народных школ и учителей, положение печати, потешные детские полки и много других больных вопросов России и Сибири стремится поднять газета и осветить с точки зрения интересов пролетариата. Конечно, нельзя было открыто обо всем писать, призывать к вооруженному восстанию и кричать:—долой царское самодержавие!... Все наши неурезанные лозунги: демократическая республика, 8-ми час. рабочий день, вся земля крестьянам—приходилось пропове-

дывать обиняками, иносказательной эзоповской речью, но это делалось. Тем не менее, я уже говорил выше, газета была составлена интересно и живо. Недурны и остроумны были фельетоны Тамги и К. О. Лина. За один из фельетонов „Митька Потешный", в котором описывалось дикое и карьеристское увлечение обучением детей школьников солдатской строевой муштре, „Омский Вестник" был оштрафован на 400 рублей и редактору Мих. Соловьеву пришлось сидеть в тюрьме.

Очень интересно был составлен № 241 от 9 ноября 1910 г., посвященный смерти Л. Н. Толстого. Номер вышел в траурной рамке и с портретом великого писателя. Статьи были посвящены Л. Н. Толстому, его жизни, творчеству, последним минутам и его значению для русской общественности. Редакция заявляет, что она расходится с Толстым по очень многим вопросам общественной политической жизни, а также в области его религиозных исканий, но она отдает дань его великому писательскому гению и его искренним исканиям истины. Номер о Толстом имел исключительный успех, его нехватило для продажи.

В общем и целом газета имела успех, тираж ее поднялся, но издатель Крутовский был недоволен социал-демократами и недоволен вот почему. Редакция стала в хронике прохватывать больших коммерческих тузов за эксплоатацию рабочих и пр. художества. Между тем, эти господа давали для газеты свои об'явления и тем давали доход Крутовскому. Крутовский стал говорить и потом настаивать не печатать материал, характеризующий эксплотацию рабочих на предприятиях тех лиц, кои дают в газету об'явления. Одним словом, газета должна была превратиться в орган торгово-промышленной буржуазии. С этим Омский Комитет РС-ДРП не мог согласиться, и все социал-демократы вышли из состава редакции „Омского Вестника" 9 декабря 1910 г. Еще один последний вопрос: была ли газета большевистская или меньшевистская? На этот вопрос трудно ответить, так как в Сибири, в особенности в Омске, все время, до августа 1917 года, существовала об'единенная социал-демократическая организация. Что она не была ликвидаторской видно из того, что подпольная организация существовала и оказывала влияние на газету.

„Омский Вестник" был последней попыткой в Омске сказать свое слово в легальной печати до войны и во время войны. Больше других попыток мы не встречаем, равно как и не было прокламаций-листовок и не работала подпольная типография. Партийная работа должна была идти слишком незаметно и не захватывать широких масс.

И в то время, как в России в 1911 г. снова поднимается рабочий класс, а вместе с ним появляется на свет легально его детище—рабочая печать, вначале в виде газеты „Звезда", а затем „Правда", в Сибири полное отсутствие пролетарской печати как легальной, так и нелегальной.

Ленские расстрелы рабочих 4 апреля 1912 г., как гром прокатились по всей России, вызывая рабочих на борьбу с царским самодержавием и буржуазией. Но Сибирь мало отозвалась на

это событие. Даже война 1914 года не вызвала никаких волнений в Сибири. Недовольство, глухое недовольство таилось среди рабочих масс, но выявиться оно не могло.

Были кое-где попытки в Сибири создать и в это время рабочую газету. Но эти попытки сейчас же администрацией прихлопывались. В Иркутске ссыльные социал-демократы перед войной стали выпускать легальную газету „Молодая Сибирь".

Во время войны, в 1916 г., в Иркутске группой революционных социал-демократов был организован Сибирский союз рабочих, который поставил подпольную типографию; наборщиком в ней работал т. Крайс. Типографию эту организовывали Войтинский, Вельман и др. Но она просуществовала недолго и была провалена провокатором Крутом. Наборщик тов. Крайс успел скрыться, вся же техника была взята жандармами. Это, пожалуй, единственная попытка в Сибири поставить подпольную типографию.

Перед войной и во время войны появилась в Сибири кооперативная и сельско-хозяйственная печать, обслуживающая, главным образом, нужды крестьянской сельской и городской кооперации „Сельско-Хозяйственная Жизнь", орган Омского отдела Московск. О-ва сельск. хоз. и „Луч", орган омского о-ва потребителей.

Задачи этой печати были очень скромны: в пределах царского режима строить рабочую и сельскую кооперацию—не более. Никаких политических и рабочих вопросов, выходящих за пределы кооперации, нельзя было затрагивать и поднимать. Несоблюдение начальственных постановлений могло повлечь и арест редакции и закрытие газеты и даже кооператива-издателя.

Но кооперативных журнальчиков за время войны в Сибири расплодилось очень много и они сыграли значительную роль в организации и развитии рабочей и крестьянской кооперации в Сибири.

XVI. В дни Февраля и Октября 1917 года.

Знамя красное, знамя свободное,
Символ равенства, братства, любви,
Вейся выше за дело народное
В алых каплях рабочей крови.

Тяжесть войны и продовольственные затруднения возбуждали недовольство масс,—рабочих и крестьян. В Сибири снова начинается подпольная работа: в конце 1916 г. в Омске складывается социал-демократическая об'единенная организация, в которую вошли и рабочие, и интеллигенты—от оборонцев до большевиков включительно. Поэтому Февральская революция не захватила омичей врасплох. Как только были получены сведения о перевороте в Петрограде, вновь организованный Омский комитет РС-ДРП созвал и создал сейчас же совет рабочих депутатов.

Подобным же путем Февральская революция шла и по другим сибирским городам, при чем советы рабочих и солдатских депутатов находились исключительно под влиянием социал-демократов, вначале меньшевиков, затем быстро шли на сторону большевиков. Советы же крестьянских депутатов вначале шли за партией социалистов-революционеров. Но большевики и здесь потом взяли верх над эс-эрами.

Февральская революция 1917 года дала возможность снова возродиться рабочей печати в Сибири. Как только образовались Советы рабочих и солдатских депутатов, сейчас же появились и их „Известия", которые выходят от одного до трех раз в неделю Появляются и наши старые знакомые: „Забайкальский Рабочий" —в Чите и „Красноярский Рабочий"—в г. Красноярске.

Но партийная рабочая печать, по недостатку средств, выступает очень скромно, в небольших размерах; в большом количестве и с великим шумом выступают буржуазные газеты. Они стремятся овладеть народным движением и направить его по буржуазному руслу.

И только Октябрьская революция дает перевес и господство рабочей печати. С первых же дней революции полился обильный поток рабоче-крестьянских периодических изданий. Почти каждый захолустный городишко теперь обводится одной—двумя газетками.

Вот краткие сведения о сибирской советской печати, возникшей в 1917—18 г. г., взятые мною из брошюрки А. Н. Адгокова „Советская пресса в Сибири в 1917—18 году" и дополненные кое-где моими данными.

1) В Челябинске после захвата власти советами в 1918 г. выходит небольшая газетка „Известия челябинского совета крестьян., рабочих, казачьих и армейских депутатов."

2) В Кургане в сентябре 1917 г. издавалась ежедневная газета „Известия курганского совета рабочих и солдатских депутатов". С переходом власти в руки советов, газета продолжает издаваться, увеличившись в размере. Первоначально газета выходила под редакцией т. Насвета, позднее тов. Пурица.

Нет сведений какие печатные органы издавались в Тюкалинске, Таре и Ялуторовске после захвата власти советами.

3) В Ишиме советский строй установился в средних числах марта 1918 года. Издавалась небольшая ежедневная газетка „Известия ишимского совета крестьян., рабочих и солдатских депутатов" под редакцией В. Н. Сепп и за подписью комиссара печати т. Корушина.

4) В Тюмени, взамен закрытой буржуазной газеты „Сибирская Торговая Газета", с 1-го марта стали печататься „Известия тюменского губернского и уездного исполнительного комитета совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов". На первом месте газеты, над заголовком имелась надпись „Российская федеративная советская республика". Газета являлась официальным органом советов и помимо официального и осведомительного отделов печатались статьи по различным вопросам.

5) В Тобольске, после перехода власти к советам, выходят под редакцией Н. Коганицкого три раза в неделю „Известия тобольского совета рабочих и крестьянских депутатов".

Газета просуществовала до конца мая 1918 года,

6) В Петропавловске в 20 числах декабря 1917 года стала выходить ежедневная рабоче-крестьянская газета под коллективной редакцией „Известия петропавловского совета рабоче-крестьянских, казачьих и киргизских депутатов".

7) В Омске со дня образования совета рабочих и солдатских депутатов стали выходить „Известия омского совета рабочих и солдатских депутатов". Газета небольшого формата под редакцией К. А. Попова. В партийных кругах Р. С.-Д.Р. П. был поднят вопрос об издании своего социал-демократического органа, но не было средств. Решено было средства собрать выпуском заемного письма—по 10 руб. каждое. Предполагалось таких писем выпустить не менее 200 штук с тем, чтобы каждый, по возможности, член партии взял таковое письмо. Было предположено на собранные средства приступить к изданию газеты „Рабочий". Но осуществить это предприятие не удалось.

Помимо рабочей газеты выходили до Октябрьского переворота „Омский Коалиционный Вестник", кадетская „Сибирская Речь" при ближайшем участии лидера кадетов Жардецкого: продолжали выходить „Омский Вестник" и „Омский Телеграф". Организация „Единство" выпустила свой журнальчик „Начало", его вышло несколько номеров.

Партия эс-эров выпустила свою небольшую газетку „Земля и Воля". 28 октября 1917 г. на пленарном собрании омского совета принято было постановление о передаче власти советам. 2 ноября в городе вспыхнуло восстание местной школы прапорщиков под предводительством кадета Жардецкого. Восставшие прапорщики арестовали было командующего войсками тов. Половникова и вооружились до зубов. Но восстание было быстро ликвидировано без кровопролития. Советская власть была признана в Омске. Омск являлся центром об'единения Западно-Сибирских советов и имел, помимо газет губернского значения, печатный орган, обслуживающий все Западно-Сибирские советы „Известия Западно-Сибирского и омского областного исполнительных комитетов совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и омского совета рабоче-крестьянских и, солдатских депутетов", ежедневную рабоче-крестьянскую газету. Газета выходила с аншлагом „Российская Федеративная Советская Республика". Газета помещала целый ряд обширных и очень ценных статей. Последний номер газеты вышел 7 июня 1918 г., а 8-го в полдень город был оставлен советской властью и занят белогвардейцами и чехами. Газета вначале редактировалась К. Молотовым и позднее—коллективом.

Омским советом рабочих и солдатских депутатов издавалась еще в 1917 году большая ежедневная демократическая газета „Революционная Мысль". В этой коммунистической газете, строго выдержанной в марксистском революционном духе, на-

печатаны все протоколы Западно-Сибирских с'ездов, материалы по выборам в учредительное собрание, когда газета агитировала за список партии большевиков и по городу Омску прошел в учредиловку список большевиков. Интересен № 65 от 19 декабря 1917 года. На первой странице крупными буквами набрано следующее воззвание:

„К гражданам города Омска!

По постановлению омского совета рабочих и солдатских депутатов власть по городу Омску и его окрестностям перешла в руки его органа, президиума совета, стоящего во главе омского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое борется народ и его рабоче-крестьянское правительство, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, полная демократизация армии и всех государственных учреждений, укрепление власти советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Президиум омского совета рабочих и солдатских депутатов".

С начала революции 1917 г. в Омске действовала единая организация—омский комитет Р.С.-Д Р. П., который об'единял и оборонцев, и большевиков. На общих собраниях поэтому постоянно происходили столкновения между тремя течениями: оборонцами, интернационалистами и большевиками. Интересно отметить, что, обычно, на собраниях проходила резолюция большевиков, но интернационалистами потом вносились в нее поправки, и резолюция принималась в таком уже исправленном виде.

В августе 1917 г. оборонцы, во главе с А. Н. Гладышевым, вышли из об'единенной организации и стали создавать свою. Успехи их были невелики: рабочие массы за ними не пошли и они должны были вариться в собственном соку. Интернационалисты также потом вышли из об'единений, во главе их стоял К. А. Попов. В январе 1918 года омский комитет интернационалистов стал издавать еженедельник „Пролетарий" под коллективной редакцией. Газета занимала какое-то срединное положение между оборонцами и большевиками.

Правые эс-эры, часть оборонцев и кооператоров накануне перехода власти к советам создали на средства западно-сибирских кооперативов свой „орган социалистической мысли" „Заря".

Этот орган „социалистической мысли" занял крайне враждебную позицию к большевикам и власти советов. Его лозунг был: „Вся власть учредительному собранию". „Заря" вела крайне бранчивую и клеветническую кампанию против рабоче-крестьянской власти. Советская власть вынуждена была закрыть этот, с позволения сказать, орган „социалистической мысли".

В марте 1918 года военнопленные венгерцы местного лагеря начали издавать социал-демократическую газету „Революция" на венгерском языке. В первом номере, обращаясь к Омскому совету, редакция заявила о своем присоединении к русскому революционному народу.

В начале 1918 года в Омске выходил еженедельник на немецком языке „Сибирский Вестник“ для немецких крестьян Сибири.

Кроме того, в этот период в Омске издавались следующие журналы: еженедельный продовольственный и хозяйственно экономический вестник омского областного исполнительного комитета сов. раб. и кр. депутатов „Народное Хозяйство“ под редакцией А. Н. Богданова. Журнал имел два больших постоянных отдела—хозяйственно-экономический и продовольственный. Журнал был, главным образом, осведомительного характера. Первая книжка (№ 1-2 в 40 стр.) вышла в апреле 1918 г. с надписью на обложке „Российская Советская Федеративная Республика“, издавался еще журнал „Западная Сибирь“, из кооперативных журналов выходил орган западно-сибирских кооперативов—„Трудовая Сибирь“.

8) Семипалатинским советом раб., кр., солдатских, киргизских и казачьих депутатов издавалась большая ежедневная газета „Трудовое Знамя“. Номера газеты имели надпись „Российская Советская Республика“.

9) В Новониколаевске издавалась большая ежедневная газета „Дело Революции“ под редакцией П. Коваленко, А. Клеппер и Н. Бойко, позднее под редакцией П. Коваленко. Лозунг газеты: „Да здравствует Советская Федеративная Республика“.

10) В Барнауле местный совет издавал ежедневную популярную газету осведомительного характера „Голос Труда“ с лозунгом: „Да здравствует Советская Республика“.

11) В Змеиногорске с апреля 1918 г. выходят два раза в неделю „Известия“.

12) В г. Камне с января 1918 г. существовала ежедневная газета „Голос Трудового Народа“.

13) В Томске издавалось большевиками „Знамя Революции“ под редакцией В. Д. Вегмана, с лозунгом в 1917 г. „Мир хижинам—война дворцам“ и Вестник томского губернского исполнительного комитета сов. раб., кр. и солдатских депутатов.

Левые эс-эры издавали газету „Знамя Труда“.

Анархистом Клюевым был выпущен № 1 газеты „Бунтовщик“, от которого даже отказался местный союз анархистов.

С апреля 1918 г. дважды вмесяц выходят „Известия Советов Студенческих Старост“.

14) В Красноярске выходят: „Красноярский Рабочий“—орган Красноярского комитета Р.С-.Д.Р.П. (большев.-интернац.), Известия красноярского сов. раб. и солдатских депутатов, интернационалист орган левых эс-эров, „Сибирская Правда“ орган большевиков, Известия енисейского губ. народ. комиссариата, „Рабоче-крестьянская Газета“.

15) В Минусинске—„Известия Минусинского Совета Кр., Раб Солд. и Казачьих Депутатов“—орган советской власти, „Товарищ“—газета минус. комитета рос. с.-д. партии с лозунгом „Вся власть советам“.

Левые эс-эры издавали еженедельник „Земля и Воля“.

16) В Енисейске издавалась небольшая ежедневная газета „Известия енисейского уездного совета раб., солд. и крестьянск. депутатов“.

17) В Каинске издавались „Известия каинского об‘единенного совета солд., раб. и крестьянских депутатов“.

18) По количеству изданий периодических органов пальму первенства на этот период, несомненно, имеет г. Иркутск. По приблизительному подсчету в нем издавалось свыше 22 названий.

В Иркутске переход власти к советам сопровождался упорными боями в течение 8 дней (с 8 по 17 декабря). Буржуазия об‘единилась вокруг юнкеров, и последние произвели выступление против советской власти, при чем бои происходили на улицах города и часть города пострадала от обстрела. Формально и окончательно власть к советам перешла 22 декабря.

До декабрьских событий в Иркутске существовали некоторые периодические газеты, признававшие советскую власть. Так, после раскола Иркутской организации Р.С.-Д.Р.П. на две группы—большевиков и интернационалистов, с одной стороны, и с другой—меньшевиков-оборонцев и плехановцев, первые (большевики-интернационалисты) стали издавать журнал „Рабочая Сибирь“ под редакцией т. Насимовича, и для широкого читателя „Летучий Листок Рабочей Сибири“.

Затем идут „Известия Центро-Сибири“—орган исполнительного комитета советов всей Сибири; „Власть Труда“—орган окружного бюро советов; „Единение“—орган профсоюза печатников; „Известия Военно-Сибирского Комиссариата“ с приложением бюллетеня отдела продовольствия и снабжения, „Центро-Сибирь“—орган сибирского совета народного комиссар. и центрального исполнительного комитета советов всей Сибири. Вот небольшой перечень изданных газет и журналов в Иркутске:

„Сибирская Рабоче-Крестьянская газета“.

„Вечерние Известия Иркутского Губ. Сов. Раб. и Кр. Депутатов“.

„Коммунист“ на немецком, венгерском и зап.-славян. языках.

„Интернациональная Газета“—на немецком, венгерском и зап.-славян. яз.

„Мировая Революция“—на немецком языке.

„Мировая Революция“—на венгерском языке.

„Трудовой Народ“—орган центрального испол. комитета советов.

„Свободное Слово“—под редакцией т. Урбановича.

„Голос Иркутска“ — орган интернационалистов-бундев.

„Первое Мая“—однодневная газета рабочих печатного дела.

„Известия Секретариата Продовольственных С‘ездов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

„Бюллетени Отдела Продовольствия и Снабжения при Испол. Ком.“.

„Иркутск. Губ. Сов. Раб., Кр. и Красноарм. Депутатов“.

„Известия Иркутского Губ. Народного Комиссариата“.

„Вестник Сибирского Комиссариата Снабжения и Продовольствия".

„Бюллетени Сибирского Военного Командования".

19) И в уездных городах Иркутской губернии напр. в Черемхове издавалась еженедельная воскресная газета „Свободный Труд"— орган черемховского уездн. сов раб. и кр депутатов. Лозунг газеты: „Фабрики—рабочим, земля—крестьянам".

20) В прифронтовой полосе, когда шла борьба с чехами и белогвардейцами, сибирское верховное командование издавало боевую газетку „Красноармеец". Это была последняя советская газета на территории Сибири.

21) В г. Верхнеудинске издавался „Вестник Советов Прибайкалья" и эвакуировалась из Иркутска „Центро-Сибирь".

22) В Чите издавались следующие органы:

„Известия Ком. Советских органов Забайкальской Области".

„Советская власть".

„Забайкальский рабочий" вначале орган читинского Ком. Р.С.-Д.Р.П., затем орган интернационалистов. С 1918 г. газета превратилась в партийный орган Об. Ком. Р.С.-Д Р.П. большевиков, Кроме того. издавались „Известия Забайкальского об. продов. управы", „Знамя Революции" орган левых эс-эров и „Знамя максималистов".

23) На станции „Маньчжурия" артелью рабочих издается под редакцией т. Иванова небольшой орган „Маньчжурия", газета, посвященная защите интересов рабочего класса и демократии.

24) В г. Зея выходят „Известия Совета Раб. и Кр. Депутатов".

25) В гор. Свободный (Алексеевск) „Вестник железнодорожного Союза Амурской жел. дор." с лозунгом: „Вся земля, вся власть—трудовому народу".

26) В г. Благовещенске—„Известия Сов. Труда Амурской Социал. Федеративной Республики" и „Народное Хозяйство".

27) Во Владивостоке—„Известия Владивостокского Сов. Рабочих и Солдатских Депутатов", „Народное слово", „Крестьянин и Рабочий", „Красное Знамя". Все это органы, стоящие за советскую власть.

28) В Харбине „Голос Труда"—орган социалистической мысли.

29) В г. Якутске—„Известия Якутского Совета Рабочих и Солд. Депутатов", „Продовольственное дело".

30) Даже в отдаленном Петропавловске (на Камчатке) и там появились советские издания: „Известия Сов. Кр. и Раб. Депутатов г. Петропавловска", „Камчатские Известия",

Такова была советская печать перед чехо-словацким выступлением. Конечно, перечень этот не полон, нуждается еще в дополнении. Но из приведенного видно, что рабочая печать должна была сыграть и сыграла значительную роль в деле восстания трудящихся масс для захвата власти советами и закрепления в сознании их необходимости этой власти.

XVII. В дни Колчака.

„Черное, черное небо,
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди в оба".

Блок „Двенадцать"

В первых числах июня 1918 г. по Сибири начались чехо-словацкие выступления. Сибирские эс-эры, частью меньшевики и кооператоры, были вынесены этим выступлением на верх, к власти. Ожили снова разговоры об учредительном собрании, тем более, когда в Самаре создался комитет Учредительного Собрания. Но выступления чехо-словаков и эс-эров-меньшевиков не имели за собой прочного фундамента: рабочий класс и крестьянство не хотели итти за ними, не хотели их поддерживать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что скоро эс-эров и меньшевиков окружила махровая военщина и буржуазия с твердым уклоном к монархии. Скоро от эс-эровской директории ничего не осталось. Казачьи атаманы Катанаев и Красильников совершили свое дело: они арестовали директорию и возвели к власти адмирала Колчака, которого поддерживала союзная дипломатия.

Началось „царствование" атаманщины: Красильниковых, Анненковых и проч. палачей рабочих и крестьян.

В это тяжкое время для всей Советской России в Сибири могли издавать только атаманско-казачьи-буржуазные да меньшевитско-эс-эровские газеты и журналы.

Всякие враждебно относящиеся к власти Колчака газеты в корне пресекались. Так, например, в Челябинске возникла меньшевистская газета под редакцией видного меньшевика В. А. Гутовского (Маевского). Газета была закрыта, а Маевский арестован и расстрелян в Омске в декабре 1918 г. Для других газет это было наглядным уроком. Поэтому даже оппозиционные газетки, вроде Иркутской кооперативной „Наше Дело", вынуждены были вести себя очень скромно.

Зато колчаковским органам была предоставлена полная свобода. Конечно, Омск теперь явился центром Сибири, столицей колчаковщины и поэтому здесь создались главные органы печати.

С началом чехо-словацкого выступления снова оживает, с позволения сказать, „орган социалистической мысли" „Заря", которая субсидируется сибирскими кооперативами. „Заря" вела упорную борьбу с коммунистами и советской властью, при чем не стеснялась выливать потоки клеветы и вранья на советскую власть и коммунистов. В то же время она не дерзала свою критику обратить против атаманщины и того дикого разгула, который позволяли себе „герои" Колчака, Красильников, Анненков и другие. Газета, главным образом, вначале вдохновлялась плехановцами,—Фоминым (Ольгиным), а потом председателем Бюро Всесибирск. Кооператив. С'ездов Сазоновым. Состав ре-

дакции был довольно пестрый; основное ядро, после ухода Фомина, составляли эс-эры и кооператоры. Меньшевики за последнее время устыдились и перестали сотрудничать, как только колчак взял власть в свои руки и „Заря“ стала поддерживать этого кровавого адмирала.

Но и этот „орган социалистической мысли“ казался слишком левым в глазах Колчака и его атаманов. Поэтому была создана другая газета „Наша Заря“ под редакцией Галецкого. Этот орган был вполне колчаковский и поддерживал власть Колчака не за страх, а за совесть.

Затем идет „Сибирская Речь“, издаваемая кадетской партией и руководимая известным их лидером Жардецким. Эта газетка явно шла к монархическому перевороту и критиковала правительство Колчака „за мягкость и попустительство“.

Военщина издавала свой орган „Русская Армия“, где описывались всякие добродетели верховного правителя, храбрые и доблестные действия его армии и высмеивались и критиковались коммунисты и советская власть. Это уже был форменный монархический орган

Сибирское казачье войско со своим „доблестным“ атаманом Ивановым-Риновым тоже решило блеснуть своим органом и выпустило газету „Казак“. Газета всего просуществовала несколько дней, т. к. стала издаваться не за долго перед падением Омска.

В каком положении находилась рабочая печать?

Рабочая печать была задушена по всей Сибири. Рабочие пытались издавать свои профессиональные газетки (такие попытки, например, делались в Омске и др. городах), но их сейчас же закрывали. Невольно мысль направлялась в сторону создания свой подпольной типографии. Омский комитет большевиков создал свою подпольную типографию. Достали бастонку, рабочие натаскали шрифт, тов. Долбешкин сделал кассы и работа закипела. Было выпущено несколько листовок. Типография просуществовала всего 5-6 месяцев и затем провалилась, и провалилась случайно. Вначале типография помещалась в местечке, называемом Нахаловка. Нашли для нее более подходящую квартиру на Омской улице. При перевозке типографии наткнулись на полицейский патруль. Воз был задержан, арестованы и работники типографии т. т. Валентин Парников, Антонина и др., и все были затем расстреляны.

Кроме листков, отпечатанных в подпольной типографии, комитетом было выпущено несколько листков, набранных и отпечатанных в частных типографиях, разумеется, нелегально. Омский губпрофсовет выпускал изредка свой орган „Рабочий Путь“, который неуклонно каждый раз конфисковывался колчаковской администрацией.

Только в местностях, охваченных крестьянским движением в половине мая 1919 г., в Каинском, Минусинском и Алтайском районах стали появляться революционные рабоче-крестьянские га-

зет.*) Вначале восстания на *Мане* издавалась гектографическим способом газета „Крестьянская Правда“ под редакцией учителя *Перовского*, который развивал цель повстанческого движения, как восстановление крестьянского права.

Одновременно с газетой „Крестьянская Правда“ издавалось во всем повстанческом районе до Тайшета много прокламаций, воззваний, всякого рода предупреждений, обращавшихся то к чехам, то к казакам, то вообще к населению, часто они были просто писанными от руки, а не печатными.

Самой ценной газетой является газета „Соха и Молот“, издававшаяся в Минусинске. В этом главном штабе крестьянского восстания в Западной Сибири „Соха и Молот“ стала выходить с половины сентября 1919 года и всего по январь 1920 года вышло 60 номеров. Это был настоящий периодический орган; правда, то он выходил три раза в неделю, то ежедневно, кроме послепраздничных дней. Очевидно, запас бумаги в Минусинске был ограниченный. Внешний вид газеты—вполне городской: печаталась на белой бумаге (большинство колчаковских газет выходило на желтой бумаге); печать, корректура, расположение материала, выбор шрифтов находились в умелых руках. По формату газета представляла газетный полулист небольшого размера, заполненный с обоих сторон разнообразным материалом. Там были и передовые статьи программного характера и статьи популярные, и беллетристические произведения, и даже стихи.

„Соха и Молот“ защищала советскую платформу. С самого ее возникновения был напечатан крупными буквами аншлаг, не снимавшийся до конца:

„Вся власть рабочим и крестьянам в лице их советов“.

В Алтайском районе издавался периодический орган повстанческого отряда Мамонтова „Известия главного штаба Алтайского округа“, в котором статьи информационного характера сопровождались руководящими комментариями; печатались „Известия“ на пишущей машинке.

Что же касается царства Колчака, то здесь рабочая печать подавлялась самым безжалостным кровавым образом. И все-таки рабочая печать существовала, боролась и вносила свою лепту на борьбу с Колчаком и его атаманщиной.

Ф. Г. Виноградов.

4 сентября 1927 г.
Омск, рабфак.

*) Сведения взяты из ст. Е. Е. Колосова: „Крестьян движение в Сибири при Колчаке“.

С. А. КОЗЛОВА.

ТРУД И ОХРАНА ТРУДА
В СИБИРИ ПРИ КОЛЧАКЕ

(ПО НЕИЗДАННЫМ МАТЕРИАЛАМ
ОМСК. АРХИВН. БЮРО).

С. А. КОЗЛОВА.

ТРУД И ОХРАНА ТРУДА В СИБИРИ ПРИ КОЛЧАКЕ.

(По неопубликованным документам „архива Колчака“[1], хранящегося в Омском окружном архивном бюро).

I. Министерство труда.

На территории Сибири труд и капитал в последний раз померились силами.

Весной 1918 г. противники советской власти, собрав разрозненные силы, начали успешное, особенно после союза с чехо-словаками, наступление на Сибирь. Овладев ею, они в течение почти двух лет пытались создать политическую власть капитала, переходя от Западно-Сибирского комиссариата[2] к Временному Правительству[3], сменившемуся Всероссийским Правительством, возглавляемым Директорией[4]. Вскоре Директория была замещена единоличной властью адмирала Колчака[5].

Все эти правительства помещиков и капиталистов, поддерживаемых западным и восточным империализмом, явно и скрыто проводили определенную политику, свойственную их классовой сущности, по отношению трудящихся. Показные попытки бутафорского министерства труда,—которое, по словам Болдырева[6], „так и осталось в эмбриональном состоянии“,—охранить интересы труда встречали недоверие рабочих, отпор хозяев, учреждений, войска, иностранцев.

В Сибири министерство труда учреждено Временным Сибирским Правительством 1-го июля 1918 г., решившим, что „колоссальная работа по налаживанию расшатанных большевизмом нормальных отношений между трудом и капиталом в Сибири и во вновь завоеванных большевиками областях России дает свои благоприятные результаты“.

Судя по заголовкам дел и „Временному положению о министерстве труда“[7], структура этого министерства представляется в следующем виде:

1. Министерство, возглавляемое министром труда, 2. У него три товарища министра, 3. Совет министра, 4. Главный совет по охране труда, 5. Совет по страхованию рабочих, 6. Отдел охраны труда и рынка труда, 7. Отдел социального страхования, 8. Отдел взаимоотношений труда и капитала, 9. Отдел статистики, 10. Отдел юридический, 11. Отдел врачебно-санитарный,

12. Канцелярия министерства со состоящими при министерстве лицами и чиновниками особых поручений.

Каждый отдел подразделялся на несколько отделений, например, отдел охраны труда и рынка труда имел шесть отделений: инспекторское, охраны труда, общее; отделение рынка и труда, железнодорожное и водного транспорта и редакционно-издательское.

В отделе социального страхования было три отделения: общее, больничных касс и отделение по обеспечению рабочих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев и повреждений в здоровье.

Ведению этого отдела подлежали примирительные камеры, третейские суды, промысловые суды, профессиональные организации рабочих, служащих и об'единенных предпринимателей, дела о порядке приема, увольнения, расчетных книжках, о коллективных договорах, о взаимоотношениях между администрацией предприятий и рабочими, о рабочих конфликтах, о правилах внутреннего распорядка в части, касающейся отдела ведомства, о закрытии предприятия и сокращении производства, о ставках на труд, о конфликтах, поступающих на рассмотрение министерства труда, инструктирование инспекции труда и подведомственных учреждений по предметам ведомства отдела, о законодательных учреждениях*).

Впрочем, перечисленные учреждения в действительности не все функционировали, так, отделение законодательных предположений числилось только на бумаге.

Основной обязанностью министерства труда было заведывание делами по всем видам труда по найму.

Министерство труда назначало губернских, областных и уездных комиссаров труда, при Колчаке переименованных в инспекторов труда. Инспектора труда были 2-го и 3-го разрядов. Штат инспекторов 2-го разряда состоял из одиннадцати человек. 3-го разряда—из пяти.

На комиссаров труда возлагался общий надзор за исполнением законов об охране труда и страхования рабочих, организация примирительных камер, участие в третейских судах, содействие организации бирж труда.

В знаменательном документе „Схема основ социальной политики министерства труда", датированном 23/VIII—18 г. и подписанном министром труда Шумиловским, выражены основные положения по отношению трудящихся.

Положение первое: благосостояние наемного рабочего всецело зависит от благосостояния промышленности.

„Рабочий может быть обеспечен в своем настоящем и будущем только тогда, когда в стране будет развиваться промышленность, дающая должный простор применению наемного труда и имеющая возможность без ущерба для своего дальнейшего роста покрывать свои обязательства по всем видам со-

*) Все министерство труда со всеми его отделениями, по словам омичей, помещалось в Омске в одной комнате, в б. Московских торговых рядах.

циального страхования, иначе государство будет иметь перед собой только толпу обнищалых людей, которые скудно питаются около жалкой промышленности, принесенной в жертву одному поколению дезорганизованных рабочих, которые жадно ждут государственных подачек, готовые перейти от бурных революционных вспышек к роли преторианцев какого-нибудь честолюбца, лишь бы он дал им своеволие и хлеб".

Таково представление о рабочем класс „социалистического" министерства, возглавляемого министром-„социалистом" меньшевиком Шумиловским!

Положение второе: рабочее движение должно быть подчинено интересам государства.

„Все рабочее движение должно протекать в рамках строго организованной государственности. Власть должна быть единой и никакого многовластия в стране не может быть допущено во избежание окончательной гибели государства. Такая единая власть может быть создана всенародным представительством, и поэтому все мероприятия правительства должны быть согласованы с его основной целью—созывом учредительного собрания".

„Возлагая на класс предпринимателей известные обязательства по отношению к пролетариату, оно (государство) сообразует эти обязательства с состоянием промышленности. Поэтому министерство труда и относится отрицательно к тем многообразным непродуманным поборам с буржуазии, которые во время советской власти были так заманчивы для пролетариата, но которые в то же время готовили тяжелое испытание в ближайшем будущем, когда должен был иссякнуть питающий его источник".

Отрицая рабочий контроль, министерство труда находит, что промышленность должна находиться под контролем государства.

„Министерство труда не допускает возможности, чтобы возродились, якобы, классовые организации, вроде совдепов, достаточно хаотично сконструированные, но претендующие на политическую власть".

„Опыт был слишком горек, чтобы допустить его повторение".

Вероятно, учитывая опыт Англии, на профессиональные союзы министерство труда смотрит, как на средство обуздания рабочего класса.

„Свобода профессиональных союзов — неот'емлемое право рабочего класса, завоеванное им после упорной борьбы и жизненно необходимое для него при современном общественном строе, с его обостренной борьбой разноречивых и противоположных интересов. С другой стороны, в этом развитии заинтересована сама государственная власть, которой только выгодно ввести рабочее движение в определенное русло и иметь перед собой не разрозненную толпу с ее случайными настроениями, а правильно организованный слой населения, занятый практическим жизненным делом и тесно связанный со своей профессией. В этом слое, по моему глубочайшему убеждению, в ближайшем будущем рассеется гнилой туман, навеянный большевизмом и отравивший на

время народный организм, демократическая власть найдет себе верную и надежную опору. Принудительную профессионализацию министерство труда, однако, отвергает, так как считает жизнеспособным только то, что покоится на самодеятельности".

Боясь сделать явное покушение на 8-мичасовой рабочий день, Шумиловский обещает впоследствии издать законопроект о восьмичасовом дне.

В документах эпохи Колчака уже не говорится ни о демократической власти, ни об учредительном собрании, труд ставится в зависимость не вообще от капитала, а только определенно от крупного капитала.

В колчаковском документе, выявляющем экономическую политику[9], говорится:

„Экономический прогресс связан с развитием крупной промышленности. Введение усовершенствованных способов производства, отвечающих требованиям гигиенической обстановки работ, высота заработной платы и большая обеспеченность заработка, большие материальные гарантии для рабочего при заключении коллективных договоров, обеспечение врачебной помощью, удовлетворение культурных потребностей рабочего—все это тесно связано с развитием более крупной промышленности и в то же время не только не служит тормозом экономического развития страны, но является одним из необходимых его условий".

Делается оговорка, что, пока невозможно мобилизовать крупные капиталы, следует заботиться и о мелкой промышленности.

„Выдавая субсидии крупным предприятиям и предоставляя им известные льготы, правительство должно обеспечить также интересы занятых в этих предприятиях в смысле более соответствующих нормальным требованиям условий работы и создания улучшенной обстановки жизни.

Наложенные на предпринимателя обязательства подобного рода не дадут возможность упрекать правительство в односторонности оказываемого им содействия; с другой стороны, послужат одним из частных средств для улучшения положения рабочего класса, в чем страна наша настоятельно нуждается".

Посягнуть на ненавистный восьмичасовой рабочий день правительство Колчака также не решается: „Восьмичасовой день введен, и удлинение его в законодательном порядке произвело бы неблагоприятное впечатление".

II. Обстановка, среди которой действовало министерство труда.

Смена правительства с постепенным вытеснением всех колеблющихся, недостаточно выраженных, мнимых социалистов, наступление непокорных генералов, казачьих групп — этой самоборьбе в лагере буржуазных группировок противостояли явно и скрытно руководимые партией рабочие с присоединившимися впоследствии партизанскими отрядами. Вот обстановка, далеко не мирная, среди которой было поставлено министерство труда.

И Третьяк, иркутский губернский комиссар труда, не даром бьет тревогу в сентябре 1918 года.

„Несмотря на то, что пушки и пулеметы формально умолкли, рабочие массы и промышленники Западной Сибири попрежнему психически находятся в состоянии беспомощной гражданской войны, и классовая борьба развертывается там в прежнем искалеченном виде, принимая зловещие формы и угрожая ежеминутно перейти в открытый кулачный бой.

Омское собрание промышленников, томская губернская конференция профсоюзов и целый ряд других фактов представляют из себя только внешнее, стесненное политическими условиями, выражение продолжающихся оставаться прежними внутренних соотношений, пораженных тяжелой болезнью. Очевидно, градус общественных отношений в этом крае еще не упал ниже градуса бредовой горячки тяжело больного.

Совсем другую картину представляли до сих пор настроения тех же общественных групп Восточной Сибири, выгодно отличаясь в сторону выявления более благоприятных и здоровых условий для равнения всех сил по единому фронту возрождения страны.

Об этом красноречиво свидетельствуют состоявшаяся в августе губернская конференция профессиональных союзов, деятельность иркутского центрального бюро союза профессиональных союзов, собрание торгово-промышленного союза г. Иркутска, холодный прием, устроенный им самарскому делегату, выступление иркутских кадетов на омском с'езде и целый ряд других фактов.

Все эти данные имеют огромное значение, их нужно ценить и дорожить ими.

Многие вопросы, заставляющие рабочего и промышленника Западной Сибири с яростным остервенением скрещивать сжатые кулаки, у нас до сих пор происходили более безболезненно.

Но в последнее время и здесь положение начинает изменяться к худшему и целый ряд признаков показывает, что настроение Западной Сибири начинает просачиваться и в наш край и постепенно наростает, питаясь в значительной степени неосведомленностью в вопросах рабочей политики временного правительства, а также замечающимся прискорбным фактом превратного толкования некоторых распоряжений временного правительства о профессиональных союзах и комитетах даже некоторыми агентами правительства, способствуя этим помимо своей воли развитию противоправительственных настроений. Не представляя серьезной опасности в политическом отношении, обреченные об'ективным ходом вещей на гибель и уничтожение, эти настроения все же отодвигают в черную даль возможность оздоровления труда и промышленности“.

О напряженности атмосферы говорит и „Выписка из разговора по прямому проводу председателя совета министров П. В. Вологодского с управляющим Иркутской губернией П. Д. Яковлевым 20 мая 1919 г.“

Яковлев сообщает Вологодскому:

„В Киренской ожидали восстание, но были приняты меры, и спокойствие не нарушилось. В Ишимский край из Енисейской губернии пытались пробраться красные. В одном месте Иркутского уезда идет организация какой-то подозрительной группы, ждем, когда выгоднее будет захватить. Слухи о появлении отрядов анархистов Карандашвилли[10] на юге Черемховского уезда оказались преувеличенными, предстоят только аресты выходцев из Монголии, зимовавших на Либеровских приисках. В Бальбинском уезде военный отряд, посланный на поимку дезертиров, наделал много беззаконий, дело о виновных, с разрешения генерала Артемьева[12], передано военно-полевому суду. Самым неблагополучным является Нижнеудинский[13] уезд—с Запада почти до самого Нижнеудинска.

Генерал Розанов действует независимо от генерала Артемьева. Хлопцы, которых я приватно посылал в этот район, доносят о непрекращающемся росте движения, об усилении бунтарей, которые в своих рядах насчитывают теперь одиннадцать тысяч.

Я ручаюсь, через месяц окончим формирование особого отряда, собрано уже пятьсот человек. В Нижнеудинске необходимо ликвидировать движение.

Если в городе усиливается оппозиция, то в деревне усиливается бунтарский дух, создающий благоприятную почву для всяких авантюр".

III. Отношение к комиссарам и инспекторам труда.

Никто не считался с министерством труда, никто не считался и с его агентами на местах—комиссарами, впоследствии инспекторами труда, которые и сами точно не знали своих прав и обязанностей. По словам Третьяка, вследствие слабости местных органов, многие условия об охране труда не выполняются, в действиях нет согласованности: „что ни город, то норов, что ни село, то обычай".

Ведомство путей сообщения совершенно не признавало охраны труда, в частности железные дороги даже запретили своим служащим обращаться к инспекторам труда, ссылаясь на приказ по Омской жел. дороге от 11/XII 1913 г. за № 103 и на однородные приказы по другим дорогам[15].

Привожу из документов „архива Колчака" несколько характерных примеров отношения к комиссарам и инспекторам труда[16].

Отдел труда запросил начальника Ташкентской железной дороги *) о причинах увольнения курьера. На отношение отдела труда начальник дороги наложил резолюцию: „Прошу не в свое дело не мешаться".

Новониколаевский комиссариат труда обратился в министерство труда с запросом: „В виду поступающих заявлений от рабочих о том что при разборе различных недоразумений между ними и администрацией, последняя заявляет рабочим, что

*) 9 августа 18 г.

министерство труда не может вторгаться в область разрешения конфликтов, как постороннее ведомство, обязательны ли вообще распоряжения комиссариата труда для всех правительственных учреждений".

На запрос Шумиловский осторожно дает раз'яснение, что в рабочем вопросе точно среда действия министерства путей сообщения и министерства труда не разграничена, но комиссариат труда не может быть лишен права касаться этого вопроса и принимать активное участие в его разрешении, но обязательных распоряжений комиссар делать не может.

Отношения между комиссарами труда и железной дорогой создались такие, что ново-николаевский комиссар принужден был заявить Шумиловскому: „В силу создавшегося положения личного участия в разборе всех возникающих конфликтов на железных дорогах и водном транспорте я принять не могу и вынужден отказывать рабочим в рассмотрении их многочисленных письменных и, особенно, устных заявлений".

Шумиловский увещевает Устругова [17] собрать междуведомственную комиссию, но по донесению того же ново-николаевского комиссара смешанные междуведомственные комиссии железнодорожной администрацией не приняты к исполнению и не утверждены. Комиссар труда Енисейской губернии сделал запрос о причине невыплаты компенсации при увольнении служащих с Ачинско-Минусинской железной дороги [18]. Доверенный дороги инженер Моргунов ответил, что никаких правил о вмешательстве комиссара в железнодорожные дела он в распоряжениях Сибирского временного правительства не нашел, все расчеты со служащими считает законченными и все заявления им будут оставляться без ответа.

На действия и распоряжения комиссаров труда часто поступали жалобы министру труда. Сообразно соглашательской натуре Шумиловский на словах отстаивал своих комиссаров, в то же время боясь раздражать власть имущих.

Товарищ министра путей сообщения инженер Степаненко жалуется Шумиловскому на выступление комиссара труда Шемелева [19] на общем собрании мастеровых и рабочих главных мастерских Алтайских железных дорог, указывая, что Шемелев не только вошел в мастерские, куда он не имел доступа, как лицо постороннее, но, кроме того, Шемелев призывал собравшихся к бойкоту. Степаненко просит Шумиловского указать комиссару на недопустимость его действий.

Шумиловский отвечает, что в присутствии Шемелева на собрании нет ничего противозаконного, наоборот, оно желательно: непосредственно соприкасаясь с рабочими, комиссар труда имеет возможность ознакомиться с их нуждами и настроениями. Речь комиссара о правах рабочих на бойкот также не может быть поставлена ему в вину, так как бойкот—одно из средств борьбы пролетариата за сохранение добытых социальных благ и за расширение их. Сибирское правительство не ограничивает даже право стачек, но комиссар Шемелев поступил не

совсем осмотрительно: ему следовало бы говорить не о бойкоте, а о его невозможности в настоящее время. Комиссару будет объявлен выговор.

Комиссары труда, переименованные в инспекторов труда, большего права не приобрели.

На запрос акмолинского инспектора труда об увольнении служащего[20] заведующий ремонтом судов пишет в акмолинскую областную инспекцию труда:

„Прежде, чем дать ответ по существу запроса, имею честь просить сообщить мне, на основании каких именно указаний инспектор труда делает запрос мне, служащему путей сообщения.

Впред до точного указания статей и текста закона ответ на запрос буду считать для себя необязательным".

Рабочие, видя беспомощное положение, а иногда и уклончивое отношение в деле охраны труда комиссаров и инспекторов труда, порой предпочитали отказаться от их посредничества.

В письме в редакцию газеты „Ленский Край" от 28 июля 1919 г. профессиональный союз Ленско-Вотских горных округов сообщает:

„Пленарное заседание союза рабочих Ленско-Вотских горных округов, обсудив вопрос о взаимоотношении рабочих гор. Бодайбо,[21] принимая во внимание беспомощное отношение инспектора труда и его уклонение от прямых обязанностей, как посредника, за все время службы, союз, не видя никакой защиты, кроме обвинения с его стороны, постановил прервать всякие сношения с инспектором труда, что широко опубликовать как в местном крае, так и в Центросибири".

Не менее беспомощно и само министерство труда. Тщетно Шумиловский взывает в 1919 г. к „Его высокопревосходительству, господину министру"[22] путей сообщения Устругову созвать междуведомственное совещание для установления взаимоотношений.

Министерству труда целыми месяцами приходилось вести переписку, чтобы получить затребованную справку от постороннего ведомства.

18 февраля 1919 г. Отдел охраны труда обратился к правлению водного транспорта с просьбой прислать правила увольнения навигационных и ненавигационных служащих и расчетную книжку. Просьба повторялась много раз, наконец, в конце июня расчетная книжка 1915(!) г. была прислана.

Неизвестно, в полной ли мере водный транспорт руководствовался правилами 1915 г. найма рабочих, когда еще „самый наем совершается между нанимающимся и нанимателем обоюдно и полюбовно, без всякого ограничения, как в цене рядной платы, так и относительно путевого содержания рабочего".

„Все нанимающиеся ответствуют круговой порукой друг за друга, дабы в случае побега кого либо из артели, наниматель имел право возвратить с артели то число денег, которое не заработал бежавший, если он получил до того задаток, или был на харчах хозяина".

IV. Положение трудящихся в Сибири при Колчаке.

Стирались грани буржуазных группировок, сменялись правительства, защитники капитала сплачивались вокруг одной, сначала стыдливо замалчиваемой, потом открыто выявленной и осуществленной идеи единоличной военной диктатуры; но качественно неизменно оставалось отношение к труду: постепенное сведение трудящихся на степень бесправия, экономическое угнетение, издевательства.

После превращения Сибири советской в Сибирь колчаковскую начинается расправа с бывшими служащими и рабочими советской власти.

По постановлению Сибирского временного правительства от 1-го августа 1918 г.[23] „увольнению подлежат все активные сторонники большевизма, хотя бы они и не проявляли в настоящее время противоправительственной деятельности".

Увольнение производится той властью, от которой зависит назначение на должность и ничьего утверждения не требует.

Начальникам учреждений предоставляется в сомнительных случаях запрашивать предварительное заключение товарищей по службе, непричастных к деятельности советских властей. Решения товарищей для начальника учреждения необязательны.

Лица, освобожденные следственной комиссией, подлежат возвращению на прежнюю службу.

Согласно постановления западно-сибирского комиссариата от 28 июня 1918 г. учреждения, созданные в интересах советской власти, распускаются, служащие не могут пред'являть претензий.

При ликвидации учреждений за ненадобностью служащие распускаются с предупреждением за две недели и с выплатой месячного оклада (днем предупреждения считается день переворота).

Владельцы предприятий могут сокращать штаты, расширенные при советской власти, предупреждая лиц, подлежащих сокращению, за две недели и выплачивая месячное содержание.

На лиц, привлеченных к суду, гарантии не распространяются. Под предлогом экономических соображений нельзя увольнять за политические убеждения.

За активные действия на стороне советской власти увольнения производятся без компенсации".

Национализация не всегда совпадает с понятиями капиталистов. 28 июня 1918 г. начинается денационализация флота. Инструкция по сдаче Обь-Енисейского флота утверждена 4-го января 1919 г.[24] Согласно этой инструкции все служащие и рабочие во флоте, служившие до национализации, переходят к прежним хозяевам по ставкам водного транспорта, служащие же и рабочие, нанятые за время национализации, по соглашению остаются на службе или же расчитываются с компенсацией за $1^1/_2$ месяца.

Для денационализации создается сдаточно-приемочная комиссия. Характерно, что в числе членов комиссии не значится представитель от министерства труда.

При сдаче Обь-Енисейского флота ликвидационная комиссия „вследствие захвата и растраты большевиками принадлежащих частным судовладельцам денежных средств, материалов и топлива" должна была исчислить соответствующую сумму ссуды и распределить ее между судовладельцами в соответствии с потребностями и государственным значением предприятия.

Тобольский инспектор возбудил вопрос о необходимости своего присутствия в комиссии, последняя согласилась на присутствие инспектора труда в случаях конфликтов. Комиссия заседала в феврале, извещение инспектор получил 25 марта!

Вскоре (4 марта 1919 г.) все служащие и рабочие водного транспорта об'являются военно-обязанными и подчиненными военным властям и законам[25].

Министерство труда несколько раз подчеркивало свое нежелание посягать на завоевания трудящихся в области труда, сделанные до Октябрьской революции.

Одним из таких завоеваний было право организации профессиональных союзов: все граждане имели право, согласно постановления временного правительства от 12 апреля 1917 г., без особых разрешений образовывать союзы. Общества и союзы могут об'единяться с другими обществами и союзами. Союзы должны зарегистрироваться в суде. Союз может быть закрыт только по суду. Лица, избранные в органы союза, сохраняют занимаемые ими должности, но без сохранения содержания. Предприятия должны представлять помещения для собраний правления союза.

В промышленных предприятиях могли быть образованы рабочие комитеты с правом переговоров с администрацией о заработной плате, рабочем дне, с правом представительства рабочих при сношениях с общественными и правительственными учреждениями.

При отстаивании своих интересов рабочие могли применять, как метод борьбы, бойкот и стачки.

Было установлено социальное страхование от болезней, но страхование от несчастных случаев, от инвалидности и безработицы откладывалось до более благоприятного случая. При колчаковщине страхование государственных служащих и домашней прислуги отменяется.

Были и больничные кассы, совет которых должен был состоять из 50% рабочих, 33% нанимателей и 17% представителей от правительства (министерств труда, финансов, контроля). Взнос предпринимателей в больничные кассы—5%, рабочих 1%.

На предпринимателей возлагались следующие обязательства: постройка зданий, где производятся работы, эти здания должны удовлетворять требованиям гигиены, запрещение, где возможно, вредных способов производства, обеспечение рабочих жилищами, врачебной помощью, питьевой водой, банями, предоставление места под школу,—профессиональные союзы и другие культурные учреждения[26].

О прочих мерах охраны труда можно иметь представление, вспомнив структуру министерства труда.

На бумаге все хорошо, а как претворялось в жизни написанное министерством не для выполнения, об этом достаточно полно и ясно свидетельствуют документы.

Начальник гарнизона поручик Зеленков[27] на железнодорожной станции Топки[28] разогнал комитет профессионального союза служащих и рабочих железной дороги.

По об'яснению, данному поручиком Зеленковым на запрос Шумиловского, суть дела—в следующем. Разведка донесла, „что—около «Топок» скрывается около 50 человек красногвардейцев и пытаются произвести насилие и другие хулиганские действия", кроме того, доносит та же разведка, „в Топках организуется комитет из темных лиц, как оказалось, из служащих, бывших совдепщиков, за ними произведена слежка, служащие донесли о их неблагонадежности, но я, веря в то, что они придут в себя и оставят свои привычки захвата власти в свои руки, на этот раз не оправдались мои предположения, они тайно работали, совещались и вздумали под предлогом организовать главный железнодорожный комитет, на это разрешения и санкции ниоткуда не получали, таким образом, будируя население, они своими демагогическими приемами хотели захватить власть". Далее, все также бессвязно и безграмотно, Зеленков сообщает, что комитет четырех бывших совдепщиков находится в Томске, что он их не арестовал, потому что ему „хотелось узнать, кто к ним примкнет, да и вообще на основании военной тактики, где возможно, более брать материалу".

„Имея таких врагов в одном месте, красногвардейцев в другом, я тогда счел необходимым послать отряд для поимки красногвардейцев, приказав через коменданта, во избежание эксцессов заседанию, если таковое будет, разойтись".

Затем Зеленков указывает, что рабочие и служащие железной дороги к нему требований не пред'являли и заканчивает свое послание совсем невразумительно: „а потому прошу обратить на это(?) серьезное внимание на доносчиков и тормозящих делу строительства государства и впредь не отвлекать и без того загруженных все учреждения работами".

Подпоручик Зеленков.

Дальнейших документов и раз'яснений по этому делу не имеется.

Главный комитет профессионального союза рабочих постройки Кольчугинской железнойдороги [29] жалуется министерству труда на неправильные действия главного инженера Михайловского: несмотря на то, что союз существует легально (устав его зарегистрирован в суде), железно-дорожная администрация союза не признает, помещения для комитета не отводит, членов союза увольняет, союзные деньги инженером Михайловским задерживаются.

Инспектор труда сделал указание, что непризнание союза — акт незаконный и, как водится, получил от инженера отповедь:

„Согласно законам временного правительства (собрание узаконений № 188 ст. 1099) комиссарам труда предоставлено право общего надзора за исполнением законов об охране труда и страховании рабочих, но отнюдь не право вмешательства в действия администрации, основанные на точном истолковании распоряжений правительства".

Инспектор труда приводит целый ряд статей закона о профессиональных союзах в доказательство правильности организаций союза на Кольчугинской дороге, но железнодорожная администрация осталась при своем.

Замена восьмичасового дня десятичасовым, что практиковалось, например, на Уленских медных рудниках, штрафы, несмотря на их отмену, о чем сообщают не раз комиссары и, позднее, инспектора труда, отказ в приеме обратно на работу лиц, арестованных, но освобожденных без пред'явления обвинений, увольнение без выходного пособия, увольнение по пустяковым поводам, без поводов и по выдуманным поводам: женщина увольняется, потому что вышла замуж („прокормит муж"), увольняется, потому что родила („фабрика не богадельня"), рабочие увольняются за политические убеждения, за участие в экономических забастовках, причиной увольнения часто является сведение личных счетов, сверхурочные не выплачиваются, расчетные книжки не выдаются, повременная зарплата заменяется сдельщиной, плохо оплачиваемой, зарплата снижается, рабочие живут и работают в антисанитарных условиях,—вот обычная тактика капитала в отношении труда.

Больничные кассы влачат жалкое существование.

На Кемеровском руднике рабочие, арестованные, но освобожденные без пред'явления обвинения, увольняются. Областной комитет областного союза рабочих горной и горно-заводской промышленности Западной Сибири удостоверяет, что увольнение рабочих вызвано старыми счетами: рабочие участвовали в экономической забастовке. При этом областной комитет протестует против применения военной силы при экономических забастовках, „так как способ разрешения экономических конфликтов с рабочими посредством прямого вмешательства военных и иных властей представляет многие несправедливые выгоды для владельцев горно-промышленных предприятий, вряд-ли желателен с обще-государственной точки зрения, потому что вызванное капиталистическим конфликтом раздражение естественно переносится владельцами предприятий на органы государственной власти". Комендант Кемеровского рудника, настаивая на удалении рабочих, мотивирует: удалены четыре большевика—бывший секретарь рудничного совдепа, секретарь рудничного военно-революционного трибунала „ярый красногвардеец" и четвертый тоже красногвардеец. „В переживаемый момент приходится действовать энергично и решительно, дабы своими действиями быть полезным родине и, в частности, временному правительству".

На постройке Ачинско-Минусинской железной дороги уволено одиннадцать человек слесарей и рабочих. По об'яснению об увольнении шести человек из них доверенный дороги инже-

нер Моргунов говорит, что эти служащие „уволены отчасти, как излишние, и отчасти, как вызывающие сомнение в своем поведении при царствовании на дороге исполкомов и райкомов, поддерживаемых, так называемой, советской властью и со своей стороны поддерживающие эту власть".

Командир парохода [32] „Отважный" Солдатов, его помощник Братухин и штурвальный парохода „Сокол" Рубцов уволены, как бывшие активные сторонники советской власти. Солдатов и Братухин уверяют, что они не только не были сторонниками советской власти, но, наоборот, даже участвовали в экспедиции Мальчевского против Красноярского совдепа, при чем Братухин заявил: „Я лично не считался, кто стоит у власти, большевики или меньшевики, эс-эры или кадеты или Николай II. Я смотрел и смотрю, чтобы не страдало государство".

Лоцманы барнаульского водного транспорта [33], переведенные со снижением заработной платы на две вахты вместо трех (отчего рабочий день удлинился до 12 часов), не приняли новых условий. Тогда правительство стало производить принудительный наем с угрозой военных репрессий.

Инспектор труда Шемелев указывает министерству труда, что с открытием навигации конфликт не избежен и советует министерству, „избегая закабаления рабочих частному капиталу" в законодательном порядке, если необходимо, ввести принудительный тариф. „В дальнейшем", обещает Шемелев, „я надеюсь воздействовать на судорабочих в смысле приступа к исполнению своих обязанностей при отправке судов на каких бы то ни было условиях, хотя бы по существу и малоприемлемых для них".

„Если министерство труда по условиям времени не сможет отстоять право рабочих на восьмичасовой день, с государственной точки зрения желательно, чтобы удлинение рабочего дня против общепринятой нормы прошло в виде временной военной меры, а не в порядке создания принудительных норм по отношению к частному капиталу, что оставит тяжелый отпечаток на рабочих".

Так охранялся труд в несоветской Сибири.

Агентство пароходства настаивало на принудительном распространении своих условий, ссылаясь на приказ временного правительства о том, что рабочие и служащие являются военнообязанными. Военные власти приступили к принудительному распределению лоцманов, хотя лоцманы под закон о военной повинности не подходили, так как многие из них были старше 50-ти лет.

Эта мера даже инспектору труда Шемелеву показалась чрезмерной. „Я остаюсь", пишет он в министерство труда, „при прежнем убеждении, что взамен обычных капиталистических отношений в водном транспорте еще не введено крепостного права, и если оно начинает проводиться, то самочинно, явочным, захватным порядком".

О положении железнодорожных рабочих можно судить по сведениям, данным заведывающим отделом по охране труда [34]. Све-

дения касаются рабочих станции Иннокентьевской: расчетные книжки выдаются только тем рабочим, которым выданы инструменты, книжки у них служат для записи инструментов. Правила внутреннего распорядка нигде не вывешены. Производятся сверхурочные вечерние и праздничные работы, на каковые наряды принудительны. Сверхурочные оплачиваются обычно, а иногда и совсем не оплачиваются. Рабочие не знают, сколько они проработали, за сколько получили, так как расчетных книжек нет. Перед расчетом вывешивается табель, кто сколько должен получить, но по табелю не получают.

Стрелочники и промывальщики вместо 204 ч. в месяц работают 244 часа, не дополучая за 40 часов.

За опоздание на пять минут вычет полчаса, за опоздание на одну минуту после второго свистка—вычет один час.

Законные просьбы рабочих не выполняются: рабочие попросили убрать рабочего, воровавшего казенное имущество, помощник начальника тяги согласился, но начальник тяги Черепанов, узнав, что увольнение происходит по настоянию рабочих, отменил постановление об удалении рабочего-вора.

Расценки низки: рабочие не вырабатывают повременной заработной платы. За невыполненный урок делается вычет.

На Зиминском участке рабочие по два месяца не получали зарплаты, ели картошку с отрубями.

Несладко жилось и рабочим водного транспорта. Акт осмотра зимовок тюменского агентства, проведенного по приглашению бюро профессиональных союзов, свидетельствует: в зимовке № 1-ый двери не обиты, в щели и с пола дует ветер, стекла в окнах разбиты, в зимовке сложен лес для просушки. Утром холодно, вечером жарко. Зимовка № 2 грозит рухнуть, в зимовке стоят машины. В зимовке № 5 семейные и холостые живут вместе, в зимовке был тиф. В одной из зимовок стоит бак, из которого постоянно течет.

Экономическое угнетение сопровождалось кровавыми расправами разнузданной русской и иностранной военщины.

Казацкий отряд полковника Семенова[35], ворвавшись в читинские мастерские, выпорол в присутствии начальника милиции 65 рабочих.

Японскими властями на станции Рухлово[36] расстреляны проводники Забайкальской железной дороги Елисеев и Конобродский.

Совет союзов профессиональных организаций, делая запрос министру путей сообщения, министру труда и начальнику Забайкальской железной дороги, „просит принять соответствующие меры к ограждению в будущем служащих дороги от подобных поспешных действий со стороны чинов иностранных войск. Выносимые в таких случаях приговоры, приводимые в исполнение немедленно, не гарантируют заслуженность их, особенно в условиях непонимания русского языка, наносят пагубный делу возрождения страны вред и могут вызвать нежелательные и прискорбные эксцессы".

По показанию проводника Бугаенко и смазчика Ядуты дело представляется в следующем виде: На ст. Ушимун Амурской железной дороги вошло в служебное отделение одиннадцать японских солдат, одна японка, два китайца—коммерсанта. Бригада попросила их выйти. Японцы начали угрожать. На станции Мадагачи проводник Бугаенко, войдя в вагон, увидел арестованную бригаду, на вопрос смазчика Ядуты—за что? переводчик ответил, что бригада ругала японских солдат, называя японского офицера „чучелом".

Иркутская инспекция труда, прося о расследовании этого дела, прибавляет: „Одновременно с сим докладываю, что случаи применения репрессий в отношении железно дорожных рабочих и служащих, как можно судить по сообщениям местной печати, нередки и со стороны русских военных властей. К тому же лишь незначительная часть имевших место случаев появляется в печати. Цензура к этому относится очень строго, и соответствующие сообщения цензорами старательно вычеркиваются".

Это дело было послано на расследование в министерство иностранных дел. 6 мая 1919 г. министерством труда было получено уведомление от 4-го политического отдела министерства иностранных дел за подписью тов. министра Сукина, что, по сообщению советника министра иностранных дел В. О. Клемм, проводники были арестованы за покушение на жизнь японского поручика Умесимы на станции Мигудачи и при попытке бежать —убиты.

На этом дело и прекратилось. Очевидно, министерство труда было удовлетворено об'яснением, не задаваясь вопросом, насколько правдоподобно, что два проводника напали на офицера в присутствии десяти других японцев.

V. Выступления рабочих.

Ясно, издевательства, надругательства капиталистов рабочими не сносились покорно. Иногда стихийно, чаще руководимые профессиональными союзами, партией, хотя и загнанной в подполье, но не сломленной, рабочие вставали на борьбу с капиталом, об'являя забастовки, непрерывно вспыхивающие по всей не советской Сибири.

Требования, пред'являемые рабочими обычно сводились к следующему: повышение заработной платы, нормировка рабочего дня, отмена сдельщины; иногда к этим основным требованиям присоединялись еще требования уплаты за время забастовки и предоставления права профессиональным союзам увольнять и назначать рабочих и служащих.

Можно наперед сказать, что наибольшее количество забастовок приходилось на железные дороги и водный транспорт.

Не даром Болдырев советует силами Японии немедленно приступить к организации и переброске в Сибирь 150—200 тысячной армии, из коих 100 тысяч на Уральский фронт и остальные—для охраны порядка внутри Сибири и на железной дороге[37], а Устругов ведет переговоры с союзниками по вопросу

управления и контроля над дорогами Сибири. Союзники, особенно американцы, учли значение Сибирской железной дороги для своих товаров, инженеру Джонсу Стивенсу было предписано взять на себя заведывание русским железнодорожным корпусом. Вильсон, говоря о работе Стивенса, заявил: „Народ ждет от союзников помощи. Население Западной Сибири и войско адмирала Колчака совершенно зависит от этой дороги. Русским властям удалось отправить из нашей страны большое количество русских товаров для Сибири. Из этих замечаний явствует, что цель сохранения американских войск в Сибири та, чтобы при содействии великих союзных держав сохранить открытой необходимую торговую артерию и дать населению Сибири экономическую помощь[38]".

В документах, которыми я пользовалась, кратко сообщается о забастовке, очевидно на экономической почве, в сентябре 1918 г. на Омской железной дороге и в шпало-прокатном заводе в Н.-Омске при станции Куломзино[39]. По словам омских жителей, эта забастовка закончилась кровавой расправой с рабочими в сентябре же 1918 г.

Другая забастовка в октябре 18-го же года охватила большой район—от Челябинска до Нижнеудинска[40]. Подлинная телеграмма Шумиловского, сохранившаяся в документах, посланная им в военные и профессиональные организации Иркутска, гласит: „Местами вспыхивают забастовки железных дорог главное требование отмена сдельных работ Сибирское всероссийское правительство считает забастовки данный момент губящими дело освождения родины немецко-большевистского ига не остановятся принятием самых решительных мер заставить всех выполнять свой долг перед отечеством сдельная плата единственно может поднять производительность труда иначе дороги не будут в состоянии обслуживать фронт и обеспечивать перевозку обнищавшую страну востока товаров. Одновременно правительство озабочено чтобы переход не понизил заработка этой целью образуются комиссии представители министерства труда путей сообщения рабочих Рабочим дается возможность мирно отстаивать свои экономические интересы устранить недостатки сдельных расценок комиссии должны раз'яснить рабочим безумство их слепого упорства подтвердив непреклонность воли правительства.

Управляющий Министерством Труда Шумиловский".

Особенно упорно забастовка держалась на станциях Зима, Иннокентьевская и Черемхово.

16 октября 18 г. на станции Иннокентьевской было совещание о ликвидации забастовки. На совещании присутствовали рабочие ст. Иннокентьевской, представитель чехословацких войск, представитель контр-разведки, губернский коммиссар труда Третьяк.

Договорились ликвидировать забастовку на следующих условиях: стачка не должна вести за собой арестов и увольнений, уплата за время стачки. Эти условия поддерживал предста-

витель чехо-словаков, что послужило поводом Третьяку отметить „гуманность и особую культурность чехов даже по сравнению с культурностью людей Запада“.

Командующий английскими эшелонами поспешил известить телеграммой начальника участковой тяги станции Зима и профессиональный союз о прекращении забастовки. „Об'явите рабочим и мастеровым вашего участка, что репрессии за забастовку на рабочих не наложено, в виду заявления стачечного комитета о немедленном вступлении всех рабочих и мастеровых на работы и заверения, что забастовки в будущем не будет за все время войны, помня, что всякая забастовка во время войны будет караться, как за измену.

Командующий английскими эшелонами полковник Васад, кавалер святых Михаила и Георгия и член парламента“.

Но Степаненко не так легко было склонить к уплате за время стачки, и он поспешил всей линии прислать следующую телеграмму:

„Губернский комиссар и комиссар труда не уполномочен давать обязательства служащим и рабочим без вашего ведома и согласия. Удовлетворение иркутского губернского комиссара и комиссара труда требования забостововавших мастеровых о ненаказании виновных в стачке уплате за дни стачки и передачи всех требований главному дорожному комитету для вас необязательны. Против комиссии при губернском комиссаре труда ничего не имею, но с тем, что решения ее для вас необязательны и служат лишь материалом, по которому вы в случае надобности должны попросить мои указания.

Степаненко.

Кругликов.“

Сочувствие не было найдено и у Шумиловского относительно уплаты за дни стачки. Шумиловский телеграфировал Третьяк.

„Уплата дни забастовки возвращение всех бастовавших службу считается неприемлемым в виду связи движения большевизма.

Шумиловский.“

В разбираемых мною документах имеется „Протокол совещания по вопросу о волнениях на железных дорогах“. Совещание собиралось 19 октября 18 г. под председательством Третьяк. На совещании присутствовали управляющий Иркутской губернией Яковлев, поручик Зенкевич, представитель от штаба иркутского военного округа, от штаба чехо-словацкого командования помощника ад'ютанта Ян Вавра, от совета всех профессиональных союзов Забайкальской железной дороги Мартынюк и Лавочников, от управления Забайкальской железной дороги И. Коваль, от рабочих и мастерских депо станции Иннокентьевской Прядильников, начальник участка тяги Черепанов, от Иркутского губернского земского собрания Грачев и секретарь губернского комиссара труда Попов-Кокулин.

Третьяк, сообщая о ликвидации забастовки, подчеркивает, что волнение не улеглось.

Прядильников указывает на следующие причины забастовки: сдельщина, снижение заработной платы, удлинение рабочего дня, отмена воскресения, преследования и придирки администрации, отсутствие гарантий в вопросах увольнения. В последующих прениях выявляется растерянность охраны труда с одной стороны и властный голос военной силы и чехо-словаков, желающих сломить рабочих, заставить их поддерживать директорию, колеблющуюся, доживающую последние дни, разложившуюся с другой стороны.

Яковлев прав, указывая, что забастовка не только экономическая, но и политическая, „необходимо открыто сказать", говорит Прядильников, „что среди рабочих уже не наблюдается поддержки правительства, которая у нас замечалась вначале".

Зарвавшийся чех Ян Вавра сделал грозный выпад: „Возрождению России обязаны помогать, как администрация, так и рабочие. Все недоразумения можно разрешать, имея союзы, министерство труда, комиссаров труда. Забастовки недопустимы, и мы, чехо-словаки, во имя спасения России будем с ними бороться. Это я говорю не для угрозы, а для пользы России. Я должен указать на себя, я служу бесплатно. Мы не будем препятствовать пред'явлению рабочими требований, но чтобы они разрешались мирно".

Не менее грозен и Зенкевич. „Забастовкам теперь не время", говорит он, „и военная власть не остановится даже перед применением самых карательных мер вплоть до вооруженной силы, дабы подорвать в корне эти выступления, грозящие развалом государства".

Третьяк указывает на действительно низкие расценки и на произвол администрации „законы безмолвствуют, а их место занимают случайные настроения того или иного административного лица. Комиссара труда власти приглашают только ликвидировать забастовки, а охранять труд железно-дорожников ему законом непредусмотрено".

Принятая совещанием резолюция сводилась к следующему:

„1. Крайне неопределенное общее политическое положение представляет из себя одно из условий, определяющее недоверие рабочих к правительству.

2. Неопределенность рабочей политики укрепляет оппозицию и толкает рабочих из состояния выжидательного нейтралитета, наблюдавшегося в первые дни после переворота, в состояние наступающей стороны.

3. Тяжелое экономическое положение, вместе с общей политической обстановкой, создает благоприятную почву для подпольной агитации.

Необходимо:

1. Организовать определенную власть.

2. Создать определенную политику в рабочем вопросе.

3. Распространить среду деятельности губернских комиссаров труда на железные дороги."

Переходя к требованиях рабочих, совещание находит, что сдельная плата вынуждается суровой необходимостью.

Стачки не допускаются не потому, что русские и чешские отряды моментально могут ликвидировать их, но потому, что они:

1. Углубляют транспортную разруху.

2. Усиливают классовый антагонизм и раздувают потушенные, но еще тлеющие искры гражданской войны.

3. Усложняют политическую обстановку, играя в руку реакции.

4. Подготовляют почву для иностранного вмешательства, а может быть и аннексии Сибири.

Закрывая совещание, Третьяк обратился к рабочим с такой речью: „Иркутский губернский комиссариат труда хотел бы, чтобы вы указали всем железно-дорожникам, что всероссийская, всенародная гулянка кончилась, прогуляли все. Настало время труда. Дайте нам труд, чтобы комиссариат труда имел возможность его охранять".

Под протоколом совещания подписались все, но Прядильников сделал оговорку: „Согласен во всем, кроме пункта издельных работ, на что и воздерживаюсь". Мартынюк и Лавочников также воздержались в пункте сдельных работ.

Рост дороговизны и нежелание администрации повысить заработную плату вынуждал рабочих прибегать к забастовкам; тактика хозяев в этих случаях была определенна: ни на какие уступки они не шли, преднамеренно вызывали конфликты, затягивали их.

В начале 1919 г, забастовали мастеровые и рабочие в Тюменских верфях[11] водного транспорта. Забастовка была вызвана голодными ставками. Рабочие, их было около 200 челов., указывали, что прибавки в 18 г. они не получали, тогда как командиры и машинисты получили прибавку в 25%. Рабочие согласны получать по Омским ставкам, хотя жизнь в Тюмени значительно дороже:

ТЮМЕНЬ июль 18 г.	Тюмень февр. 19 г.	Омск июль 18 г.	Омск февр. 19 г.
Мука сеянка пуд. 28 р.	65 р. —	16 р. —	32 р. —
Мясо фунт—1 р. 60 к.	2 р. 75 к.	1 р. 20 к.	2 р. 20 к.
Масло фунт—2 р 25 к.	7 р. 50 к.	1 р. 75 к.	4 р. 50 к.
Мыло фунт—2 р 50 к.	5 р. —	1 р. 60 к.	4 р. —

По свидетельству Тюменского инспектора труда Воробьева „поведение администрации водного транспорта недопустимо: она затягивала и затягивает дело до остроты".

„Надежды на мирное улаживание конфликта слишком слабы".

Шумиловский предлагает Воробьеву передать дело о забастовке в согласительную комиссию, принимая во внимание справедливые интересы рабочих, отвергайте самым решительным образом фантастические требования". Судовладельцы упорно уклонялись от переговоров. „Судовладельцы", сообщает Воробьев Шумиловскому, „игнорируя мои совещания, вмешивают военные власти, флоту грозит потопление".

На совещание 21 февраля представители сторон, наконец, явились. Рабочие шли на уступки, хозяева нет. Один из судовладельцев предлагал рабочим встать на работу, а потом вести переговоры. (На полях донесения о совещании 21 февраля рукой Шумиловского написано, что инспектор труда должен был поддержать это предложение). На последующие совещания судовладельцы не являлись.

Инспектор водного транспорта по телеграфу обратился к начальнику гарнизона с просьбой дать военно-пленных или чехословаков для ремонта судов, обещая уплатить им столько, сколько потребуют.

Наконец, в мае 1919 г. забастовка ликвидируется, условия ее ликвидации в разбираемых мною документах не отразились.

Лоцманы Барнаульского водного транспорта[42] в апреле 1919 г. бросили работу из-за низкой зарплаты. Были вмешаны военные силы. Соглашение достигнуто на междуведомственном совещании, на котором норма оплаты установлена свободным соглашением между хозяевами пароходства и лоцманами.

Применение военной силы для подавления рабочего недовольства—обычный прием всех правительств Сибири.

Волнение на Кемеровском руднике[43] в связи с увольнением служащих, на Верхне-Сергиевском и Ачинском заводах[44], по поводу сбавки расценок на 40% не обошлось без вмешательства военных властей и военного положения.

На Анжерских и Судженских копях и в предприятиях кузнецко-каменноугольного металлургического акционерного общества [45] администрация бесцеременно снижала заработную плату, заставляя рабочих питаться картофельной шелухой. Из докладной записки областного комитета союза рабочих горной и горнозаводской промышленности Западной Сибири явствует, что в копях заработная плата была установлена еще в феврале 18 г., к январю 19 г. прожиточный минимум возрос в 3,86 раза, зарплата же осталась прежней. Высший заработок в копях 300—325 руб. на одного человека, но почти у каждого рабочего имеется семья. Чернорабочий может удовлетворить только $^{2}/_{3}$ свои личные потребности. „Пользуясь присутствием отрядов особого назначения, удаляя под видом борьбы с большевизмом, активных работников профессионального движения и опираясь на пункт 9-ый от 3-го августа сего года „О правилах внутреннего распорядка в промышленных предприятиях", кузнецкое акционерное общество за период с июля по ноябрь сумело понизить заработки горнорабочих при оценке новых работ и переоценке старых (напр., на Кольчугинском руднике)".

Пункт 9-ый администрация толкует так: „Рабочий обязан работать за те расценки, что дает ему предприятие. Всякое несогласие и борьба со стороны рабочих должны преследоваться властями".

С цеховыми комитетами предприятия не считаются: „Всякие претензия союза на право гражданства расценочных комиссий с представителями рабочих рассматриваются, как покушение на законом определяемые права предпринимателя, к защите которых привлекается власть для высылки вредных элементов из среды союзов".

Кузнецкое акционерное общество понизило поденную заработную оплату. „Кузнецкое акционерное общество, по принципу директора Федоровича, заявленному на одном официальном совещании, введением не полуголодной, а голодной заработной платы, стремится поднять, по его словам, производительность труда".

„Условия политического момента делают невозможным для рабочих путем забастовки вести непосредственную борьбу за повышение заработной платы. Правительственная власть под страхом военно-полевых судов и расстрелов лишила рабочих каменно-угольной промышленности этого района единственного орудия в борьбе с предпринимателями за улучшение условий своего существования".

В Омске должно было быть собрано совещание относительно ставок для рабочих горной промышленности, но в документах протоколов этого совещания нет.

Положение рабочих ленского золотопромышленного товарищества [45] было особенно безвыходно. По положению, 1 сентября 1917 г. сроком действия по 30 июня 1918 г. для некоторых категорий служащих продолжительность рабочего дня не устанавливалась (§ 22).

Служащие, занимающие должности, по которым самый род службы создает необходимость быть на работе сверхурочно, за последнее и за праздники добавочного вознаграждения не получают (§ 28).

Из лавок товарищества служащие должны в счет зарплаты получать припасы и товары и корм для животных (§ 37).

Отпуск раз в год и 1 месяц, при чем первый отпуск дается только спустя два года службы (§ 53).

В обеспечение сохранности вверенного служащим подотчетного имущества или капиталов для некоторых категорий служащих устанавливаются залоги (§ 62).

Залоги устанавливаются двух видов: в виде периодических удержаний из жалования служащих и в отдельных случаях в виде залогового права. В случае хищения или порчи имущества залог удерживается по суду. (§ 62).

Об оставлении службы служащий должен предупредить администрацию Лензото за месяц, но служащего можно удалять без предупреждения. Если служба оставлена без предупреждения, то товарищество. Лензото вычитает из зарплаты за месяц (§ 72).

В мае 1919 г. на почве выработки новых условий труда между Лензото и союзом служащих назрел конфликт по вопросу о ставках, которые товарищество установило единолично. Рабочие требуют надбавки 50 проц., товарищество соглашается на 28 проц. Союз соглашается передать вопрос в согласительную комиссию под председательством инспектора труда Ельнева, товарищество не согласно.

Главное управление Лензото в лице инженера Малоземова 7 мая послало телеграмму в министерство труда и в министерство торговли и промышленности. В телеграмме указывалось, что „инженеры, а также другие старшие служащие, руководящие ныне Лензото, не считают допустимым в целях отстаивания не только интересов промышленности, но также интересов государства, чтобы всякое требование служащих и рабочих превращалось в обязательное постановление для предприятия, чтобы за счет создания исключительного благополучия рабочих и служащих золотопромышленности увеличивалась себестоимость золота, потребляемого и оплачиваемого государством по высокой цене в тяжелые дни всего народа. Обязуюсь доложить—смета Лензота 1919 г. сводится без того с убытком".

Далее Малоземов просит сделать соответствующее внушение инспектору труда относительно соблюдения беспристрастия, что Шумиловский, конечно, поспешил выполнить телеграфно.

7. Бодайбо инспектору труда копия Лензото.

„Требую с вас соблюдения величайшего такта отстаивая справедливые интересы служащих категорически отвергать необоснованные неумеренные требования.

Шумиловский."

Телеграмма управляющего Иркутской губернией Яковлева Шумиловскому, которую я привожу дословно, вскрывает положение дел на Лензото.

„Лензото 1917 года также 1918 года стремилось к сокращению работ целях сохранения запасов золота лучших времен чему препятствовали исполком затем рабочие комитеты (точка) Связи продовольственным кризисом осенью 1918 года Бодайбо эвакуировано 5 000 рабочих дальнейшая эвакуация предполагалась 1919 года связи продовольствием отсутствием средств но продовольствием край ныне обеспечен средства правительством даны Лензото обязалось вести работы которые должны истощить золотые запасы без былых прибылей (точка) Тогда Лензото начинает вызывающую политику отношению рабочих (точка) Вопреки обещанию дать прибавку при получение премии ныне этой прибавки служащим обещано рабочим отказано (точка) Между тем открытием навигации дороговизна жизни 200% жизнь прошлого года станет невозможна (точка) Поэтому рабочим придется или добровольно уезжать или бастовать (точка) Первом случае достигается сокращение работ втором вмешательство милиции военных властей затем высылки порядке охраны что также сокращает работы (точка) Тоже время Аме-

рике закупается (?)* Бодайбо строится правительственную премию не считаясь колоссальными затратами грандиозная электростанция (точка) На уступки соглашения Лензото не идет (точка) Я также губернский инспектор труда настаиваем уступках справедливым ожиданиям рабочих не доводя стачки но пока безрезультатно (точка) Крайнем случае бастующих вышлю но прошу указаний что делать главноуправляющим Малоземовым руководителем дальновидной политики преследующей интересы только Лензото" Управляющий губернией *Яковлев.*

Того же числа (13 мая) Шумиловским была получена телеграмма от инспектора труда инженера Слугинова, в которой также говорится о вызывающем поведении Лензото, о нежелании итти на уступки, об отказе собрать согласительную комиссию, очевидно, забастовка неминуема.

Яковлев снова телеграфирует в министерство труда и в министерство внутренних дел.

„Быть может самыми суровыми мерами но стачки допустить не могу стачка втянет конфликт гарнизон (точка) Отвлечет его внимание банд красных появившихся дальнем севере районе Олекминска от непосредственных его обязанностей.

Управляющий губернией Яковлев".

Между тем Лензото всячески старалось замалчивать начавшееся брожение.

Яковлев телеграфирует в министерство труда:

„Информация Малоземова миролюбовую позиции служащих неправильна необходимо целяхопредотвращения эксцессов почве затягивания переговоров срочне воздействие правительства Лензото настояние передать конфликт указанной правительственной комиссии. *Управляющий губернией Яковлев.*

Губернский инспектор инженер Слугинов".

Желанием Лензото было добиться увеличения цены золота при его реализации, между тем весенняя вода грозила затопить шахты.

В отчаянии Яковлев обращается по прямому проводу к Вологодскому 20 мая 1919 г.

„Стараниями управляющего уездом и уездным инспектором труда стачка в Бодайбо приостановлена. Теперь с назначением правительственной комиссии есть надежда на мирный исход.. Упорство Малоземова сильно. Лензото требует повысить казенную цену на золото, правительство едва ли согласится".

9 июня, наконец, была собрана правительственная комиссия по конфликту на приисках, но мнение комиссии опубликованию не подлежало, в документах также нет выработанных условий.

В сентября 19 г. рабочие и служащие пароходства Жигалово Лено-Байкальского водного транспорта об'явили забастовку, поддерживая требования Центросоюза рабочих Лензота о повышении заработной платы, считая прожиточный минимум от 1279 р. до 1679 р., тогда как правительственная комиссия уста-

*) Слово не разобрано (СК).

новила зараб)тную плату в 347 р. при готовой квартире, освещении и бесплатной медицинской помощи.

Горный инженер Савельев стачку об'ясняет близостью большевистского фронта, бастует около 700 человек рабочих и служащих, обрекая приисковое 8-ми тысячное население на смерть. Главное управление требует стачку прекратить на основании указа верховного правителя о недопустимости стачек.

Заместитель министра внутренних дел Ячевский телеграммой приказывает Яковлеву принять все меры к ликвидации забастовки, в случае надобности об'явить военно—судовую повинность.

20 сентября 19 г. начальник отделения по рабочему вопросу главного артиллерийского управления инженер технолог подпоручик Лобазин отправил военному министру следующий рапорт.

„Согласно приказания вашего превосходительства 20 сего сентября я был командирован в министерство труда, как представитель военного министерства, при рассмотрении вопроса по ликвидации забастовки на Бодайбинских приисках. Комиссия из представителей министерства внутренних дел, торговли и промышленности, военного, под председательством г. министра труда. Вопросы, подлежащие рассмотрению комиссии—забастовки. Означенная забастовка поддерживается также правлением центрального совета служащих и рабочих бодайбинских приисков, несмотря на то, что большинство рабочих, по удостоверению местной инспекции труда и местных органов министерства внутренних дел, настроено весьма спокойно и противозабастовочно, имеется много данных за то, что означенная забастовка, кроме экономических причин, главным образом, вызвана подпольным антигосударственным течением, а также имеет большое значение и близость к указанной местности района, где оперируют большевистские банды.

Комиссия постановила просить сделать срочное распоряжение командующему войсками Иркутского военного округа о назначении представителя военного ведомства в образующуюся в Иркутске комиссию по разбору означенного конфликта и рассмотрению заявленных рабочими требований, уведомив об этом управляющего губернией и предписать тому же командующему не дожидаясь результатов работ комиссии, принять, в согласии с мерами гражданских властей, самые энергичные меры к прекращению забастовки на основании прав, предоставленных ему законом о местностях, об'явленных на военном положении с привлечением всех, кто будет препятствовать встать рабочим и служащим на работу, к законной ответственности“.

Соглашение состоялось 19 сентября рабочие приступили к работам. Минимум заработной платы установлен 600—900 р.

Начальником гарнизона было предложено рабочим остаться на условиях, предложенных Лензото. Кому условия казались неприемлемыми, те могли уехать на другие работы. Срок для заявлений был дан до 24 сентября. 24 сентября вышли на работу все, за исключением 470 человек, пожелавших выехать. 25-го

число желающих выехать сократилось до 300 чел. Расчитанные рабочие направлялись в Енисейскую губернию, в Черемховские копи и на постройки Ишимского тракта.

Насколько рабочие были отданы во власть военщины и насколько военная власть пользовалась своим положением усмирителя, видно из дела томских печатников[46].

Томские печатники, недовольные тарифными ставками, забастовали в ноябре 1918 г., требуя уплаты за время забастовки, основываясь на том, что сибирское товарищество печати отказалось передать дело в примирительную камеру. По уверению томского комиссара забастовка печатников была исключительно на экономической почве. Тем не менее был арестован член правления союза рабочих печатного дела и, несмотря на туберкулез, сидел в тюрьме свыше двух недель без пред'явления обвинения.

Привожу несколько выдержек из отношения, присланного союзу печатного дела начальником Томского военного округа 23 ноября 1918 г.

„По имеющимся у меня сведениям правление союза затягивает конфликт, так как газета „Сибирская Жизнь“ имеет тон, нежелательный для большевиков, прихожу к выводу, что забастовка политическая“.

„Ограничение свободы слова я нахожу, безусловно, недопустимым“.

Предлагается прекратить забастовку, работу не прерывать, набрав новых рабочих. В случае неудачи с набором „мною“, пишет начальник военного округа, „будет откомандировано для работ типографии товарищества наборщики и рабочие из числа солдат из вверенного мне гарнизона.

В виду имеющихся сведений, что часть бастующих и уволенных рабочих намеревается силой воспрепятствовать выходу газеты, сим предупреждаю всех членов союза печатников, что во всех случаях применения рабочими силы или над вновь поступившими рабочими, или над редакцией и типографией газеты мною будут заключены в тюрьму члены правления союза печатников с преданием их военно полевому суду, а лица, применившие силу, будут расстреляны на месте без всякого суда и следствия.

Полковник Бабиков.

И. Д. начальника административного отделения оружий Карчевский“.

Союз печатников, устрашившись, поспешил (26 ноября 1918 года) обратиться к своим членам с увещеванием: „Правление союза Р. П. Д. (работников печатного дела С. К.) призывает членов союза к спокойствию и выдержанности, призывая их не допускать никаких насильственных действий по отношению к штрейкбрехерам, если таковые окажутся, и административным лицам и не препятствовать производить работу, при чем заявляет всем членам, что правлением принимаются меры к разрешению создавшегося положения“.

Из документов не видно, чем закончилась забастовка.

Омские старожилы рассказывают о разгроме союза печатников в Омске во время колчаковщины.

Буржуазные правительства могут иметь министерства труда, министерства труда могут возглавляться и иметь в числе своих служащих представителей[38] мелко-буржуазных социалистических партий. У мелко-буржуазных социалистических партий хорошие программы, но хорошие программы иметь можно, осуществлять же их в системе капиталистических отношений нельзя. Сибирские комиссары и инспектора труда, следуя своим программам, иногда пытаются робко подать голос в защиту трудящихся. Шумиловский же, боясь потерять расположение вышестоящих, делает выговоры своим подчиненным комиссарам, несмотря на то, что они стоят на почве законности, и, вероятно, не дрогнув, дает свою подпись под декретами Колчака о применении смертной казни[47].

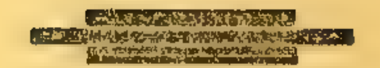
В эпоху гражданских войн мы видим сначала несколько общественных группировок, борющихся между собой: рабочие с частью примкнувшего к ним крестьянства, мелкая буржуазия, с ней зажиточное крестьянство, крупная буржуазия, земельная знать, но впоследствии остаются только два лагеря—рабочие, поддерживаемые крестьянством, и против них все, собственность, имеющие и их идеологи. Это же видим и в Сибири. Мелкие ли буржуазные группировки, крупная ли буржуазия вместе с помещичьим слоем стоят у власти—рабочим одинаково живется несладко.

Сначала рабочие пытаются улучшить свое положение путем забастовок, затем переходят к вооруженным выступлениям. Сибирские крестьяне, почувствовав на своих спинах ужас колчаковщины, присоединились к рабочим. Несмотря на то, что Колчак имел поддержку империалистических держав, железные дороги, охранявшиеся иностранными войсками, опирался на зажиточное крестьянство, вначале поддерживался социалистическими партиями, тем не менее он не мог не погибнуть под натиском соединенных сил рабочих и крестьян.

„Несомненно, мы здесь получаем“, говорит Ленин, „практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, война вызывает энергию и способность творить чудеса. Я думаю, что то, что проделала Красная армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское значение. Ее борьба покажет народам Востока, что, как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если она сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплоатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной ре-

волюции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, Сибири, опыта, который проделан советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма"[48].

С. Козлова.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Среди многочисленных документов архива Колчака я пользовалась документами, собранными в папку № 11, озаглавленную „Конфликты труда и капитала" и собранием „Постановлений и циркуляров временного всероссийского правительства".

2. Западно-Сибирский комиссариат, слабая организация С.-Р., власть принял 1 июня 1918 г.

3. 30 июня власть переходит от комиссариата к временному сибирскому правительству.

4. Директория водворилась в Омске 9 октября 18 г.

5. 18 ноября 18 г. Директорию сменяет Колчак.

6. См. Болдырев „Директория, Колчак, интервенция", ст. 279.

7. Дело № 6 „Дело по выработке временного положения о министерстве труда и его отделах" находится в „постановлениях и циркулярах". Экстренное заседание 18 июня 1919 г. особого совещания при министерстве труда постановило выработать временное положение о министерстве труда. Была составлена комиссия, в которую вошли Матцков, Кучин, Фетисов и Лучинская.

8. „Схема основ социальной политики министерства труда" была разослана с соответствующим письмом „Г. Г. редакторам всех газет г. Иркутска" 7 сентября 18 г. В письме Третьяк. Иркутский губернский комиссар труда, просит редакторов напечатать схему „в своих газетах и подвергнуть ее широкому обсуждению, памятуя, что в нынешнее время понижение общественной температуры хотя бы на один градус отражается на бюджете экономической жизни края сбережением миллионов рублей". Схема приведена в папке № 11.

9 Ленско-Ангарский район.

10. Карандашвилли—анархист, действовал в Монголии.

11. Черемховский уезд в Иркутской губернии.

12. Артемьев, генерал Колчака.

13. Нижнеудинский уезд—Енисейской губернии.

14. Розанов—генерал, зверски усмирявший повстанческое движение в Енисейской губернии.

15. Дело № 7 „Об обратном приеме лиц, освобожденных следственной комиссией из под ареста за отсутствием к обвинению в принадлежности к советской власти". Начато 13 июля 18 г., кончено 10 октября 19 г. папка № 11.

16. Дело № 3 „О взаимоотношениях местных комиссаров и представителей других ведомств и созыве междуведомственного совещания для установления единообразия в направлении деятельности ведомств по вопросам труда". Начато 2 октября 1918 г., окончено 27 января 1919 г. папка № 11.

17. Устругов—министр путей сообщения.

18. Дело № 22 „Об увольнении 11 человек слесарей и рабочих постройки Ачинско-Минусинской железной дороги". Начато 30 сентября 1818 г., кончено 30 мая 1919 г. папка № 11.

19. Дело № 25 „По конфликту об увольнении рабочих Враскина и Кошелева и выступлении алтайского комиссара труда Шемелева на собрании рабочих Алтайской железной дороги в Барнауле". Начато 26 августа 1918 г., кончено 31 августа 1918 г. № 11.

20. Запрос был сделан 21 июня 1919 г.

21. Бодайбо-Иркутской губернии, город на р. Витиме, притоке Лены

22. Дело № 7 см. примечание 15.

23. Дело № 14 „Об увольнении командира парохода „Отважный" Солдатова, его помощника Братухина и штурвального парохода „Сокол" Рубцова". Начато 7 сентября 1918 г. Кончено 24 декабря 1918 г. и дело № 7 см. примечание № 15 папка № 11.

24. Дело № 3 см. примечание 16.

25. Дело № 14 см. примечание 23.

26. „Постановления и циркуляры".

27. Дело № 23 „По конфликту о столкновении военных властей с профессиональными организациями на станции „Топки" Кольчугинской железной дороги (Кузнецкого уезда)". Начато 3 августа 1918 г., кончено 26 августа 1918 г. папка № 11.

28. Станция „Топки" на Кольчугинской железной дороге

29. Дело № 2 „О жалобе главного комитета профессионального союза мастеровых и рабочих постройки Кольчугинской жел. дороги на неправильные действия главного инженера Михайловского". Начато 4 февраля 1918 г., кончено 22 декабря 1918 г., дело № 14 см. примечание 23, дело 22 см. примечание 18, дело 25 см. примечание 19, дело 15. „Дело о расстреле японскими властями на станции „Рухлово" проводников Забайкальской железной дороги Елисеева и Конобродского". Начато 29 января 1919 г., кончено 5 мая 1919 г. папка № 11.

30. Дело 39 „По конфликту на Кемеровском руднике по поводу увольнения служащих, пребывание которых на руднике угрожало нарушением общественного порядка и тишины". Начато 23 августа 1918 г., конечно 17 сентября 1918 г. папка № 11.

31. Дело № 22 см. примечание 18.

32. Дело № 14 см. примечание 23.

33. Дело № 14 см. примечание 23.

34. Сведение даны в связи с запросом 25 октября 1918 г. Томской железной дороги на основании чего в № 89 „Свободного Труда" помещена телеграмма камиссара министру труда о произволе на железной дороге.

35. Запрос иркутского комиссара труда в министерство труда 3 декабря 1918 г.

36. Дело № 15 см. примечание 29.

37. Болдырев см. 11.

38. И. Субботовский „Союзники, русские реакционеры и интервенция". 116 стр. Ленинград 1926 г.

39. Упоминание об омской забастовке я нашла в деле, не вошедшем в папку № 11. Это упоминание было в деле, озаглавленном „Взаимоотношения рабочих и администрации".

40. Дело № 43 „О железно-дорожниках начато в октябре 1918 г., кончено в декабре 1918 г. папка, № 11.

41. Дело № 11 "О забастовке мастеровых и рабочих в тюменских верфях водного транспорта". Начато 20 января 1919 года, кончено 5 мая 1919 г., папка № 11.

42. Дело № 19 „Об отказе лоцманов барнаульского водного транспорта от принятия предложенных частными предпринимателями ставок и о принудительном найме казенным транспортом под угрозой военных репрессий". Начато 9 апреля 1919 г., кончено 10 сентября 1919 г. папка № 11.

43 Дело № 39 „По конфликту на Кемеровском руднике по поводу увольнения рабочих, пребывание которых на руднике угрожало нарушением общественного порядка и тишины". Начато 3 августа 1918 г., кончено 17 сентября 1918 г., папка № 11.

44. Дело 109 „По конфликту на Верхне-Сергиевском и Ачинском заводах по поводу забастовки рабочих". Начато 18 декабря 1918 г., кончено 2 августа 1919 г.

Дело 177 „По конфликту областного комитета союза рабочих горной и горно-заводской промышленности Западной Сибири по поводу пересмотра тарифных ставок заработной платы на Анжерских и Судженских копях и в предприятиях кузнецкого каменно-угольного металлургического акционерного общества. Начато и кончено в январе 1919 г.

45. Дело 64 „Переписка о конфликте в главном управлении Ленского золотопромышленного товарищества с рабочими". Начато 7 мая 1919 г., кончено 29 июля 1919 г., папка № 11.

46. Дело 128 „К забастовке печатников в Томске". Начато 6 декабря 1918 г., кончено 20 января 1919 г., папка № 11.
47. См. „Колчаковщина". Сборник под редакцией Н. Райвида и В. Быкова. Изд. Уралкнига Екатеринбург 1924 г. Ст. 153-154.
48. Н. Ленин. Собрание сочинений т. XVI стр. 383.

О забастовках рабочих кратко говорится в следующих книгах: „Колчаковщина". Издательство Уралкнига 1924 г. В „Колчаковщине" упоминается забастовка железно-дорожников в Иннокентьевском районе. 169 стр.

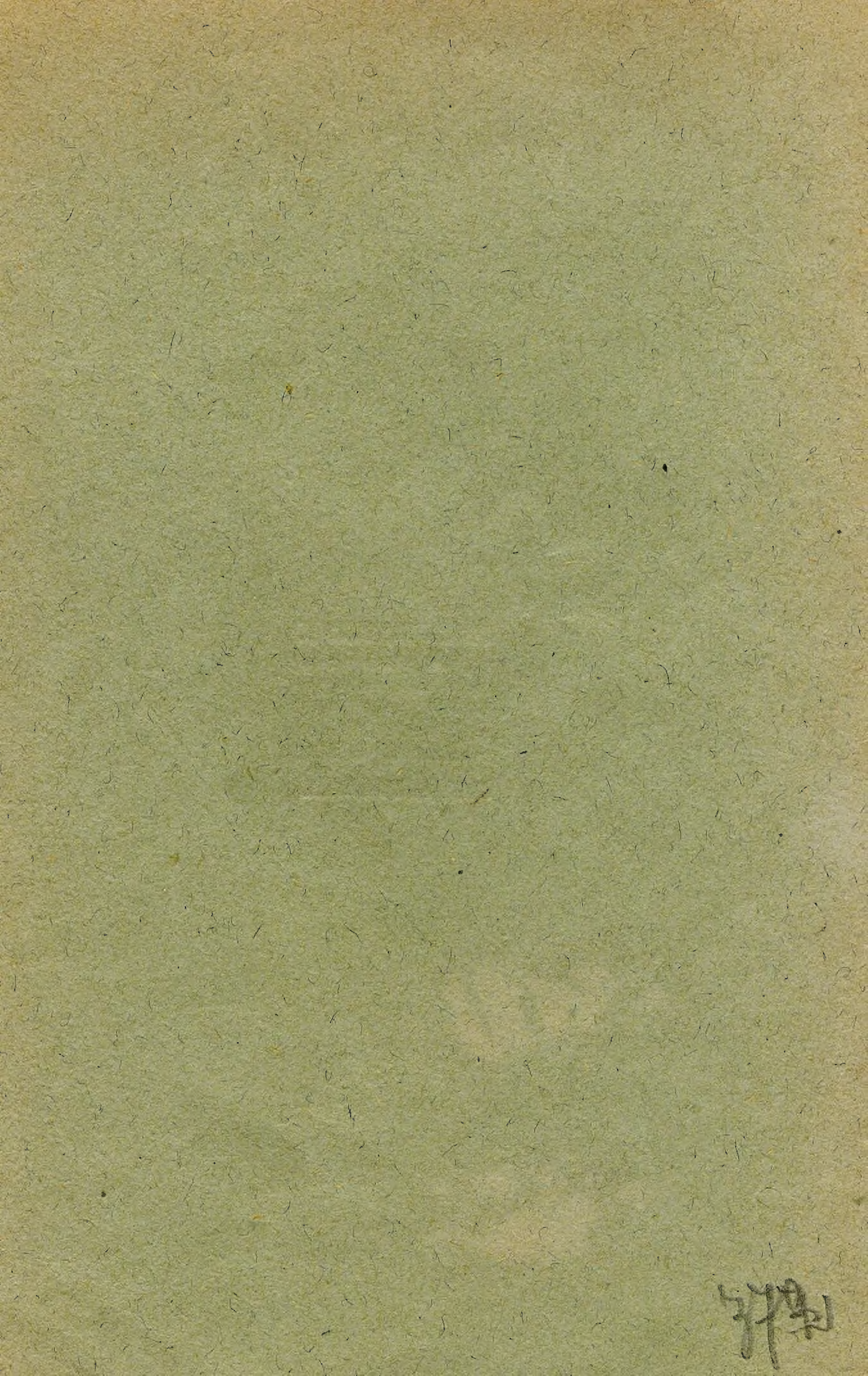
„Хроника гражданской войны в Сибири"- В. Максаков и А. Турунов. Государственное издательство. 1926 г. Упоминается о железно-дорожной забастовке в октябре 1918 г. по всей Сибирской жел.-дор. магистрали, стр. 93-94.

„Союзники, русские реакционеры и интервенция" И. Субботовский. Ленинград 1926 г., упоминается о „подвигах" Семенова, ст. 180.

„Директория, Колчак, интервенты" В. Г. Болдырев Сибкрайиздат 1925 г. Кратко упоминается о забастовке в октябре 18 г. на железных дорогах, ст. 74. Об этих забастовках имеются документы, которые я рассматривала и выдержки из которых приводила, о прочих же забастовках в просмотренных мною книгах, описывающих события в Сибири 1918-1920 г., никаких упоминаний не имеется.

С. Козлова.

Омск. Окрлит № 1471. Омгосполиграф 27 года. Зак. № 3248. 1000 экз.

2Вкоп

НАБРАНО И ОТПЕЧАТАНО
::: В ТИПОГРАФИИ :::
ОМГОСПОЛИГРАФ
::: Омск, 1927 г. :::
ЗАКАЗ 3248 ТИРАЖ 1000.